

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Прокурор
по вызову

Фридрих Евсеевич Незнанский
Прокурор по вызову
Серия «Марш Турецкого»

From FIDO
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140994
Прокурор по вызову: АСТ; 2000
ISBN 5-7390-0968-5, 5-17-001546-1

Аннотация

Кто стоит за скандалом, жертвой которого стал один из высших чиновников России? Кто из его врагов ухитрился запустить в средства массовой информации сенсационный компромат? Что же скрывается за этим запутанным лабиринтом версий и мотивов, лжи и интриг? Постепенно Турецкий понимает: похоже, что из всех версий верна лишь одна – самая странная, самая неправдоподобная...

Содержание

Турецкий. 4 апреля, воскресенье. 22.10	5
Турецкий. 5 апреля, понедельник. 7.40	7
Турецкий. 5 апреля, понедельник. 19.40	11
Турецкий. 5 апреля, понедельник. 20.20	17
Хмуренко. 6 апреля. 10.40	21
Турецкий. 6 апреля. 9.10	25
Турецкий. 6 апреля. 10.00	31
Турецкий. 6 апреля. 16.00	35
Турецкий. 7 апреля. 8.10	37
Хмуренко. 7 апреля. 10.00	42
Турецкий. 7 апреля. 15.00	44
Хмуренко. 7 апреля. 20.30	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Фридрих Евсеевич Незнанский

Прокурор по вызову

Кто заказал проститутку?!

Вчера утром в своей пятикомнатной квартире в Воскресенске выстрелом из снайперской винтовки была убита Светлана Парамоновна Калашиникова. Двадцати шести лет, одинокая, безработная.

Смертельный выстрел был произведен с крыши девятиэтажного здания, расположенного в соседнем квартале, примерно в пятистах метрах от дома, в котором проживала Калашиникова. Это пока единственный факт, достоверно установленный следствием. И вполне вероятно – последний.

Чьи деньги украл питерский хакер?!

Сотрудниками налоговой полиции Санкт-Петербурга задержан временно безработный Игорь К., которому инкриминируют хищение 2 000 000 долларов из «Кредитного банка» г. Женева. Причем деньги были сняты не «с миру по нитке», а с одного конкретного «русского» счета.

Любопытно, что пострадавший владелец так и не объявился, предпочитая, очевидно, потерять 2 000 000 долларов, нежели иметь дело со швейцарской полицией.

И теперь задержанного хакера, вероятно, придется отпустить, так как ему можно вменить в вину только использование нелегального программного обеспечения.

Что делать???

Призрак коммунизма бродит теперь только по Корее. Иногда заглядывая на Кубу...

Как вернуть его в Россию? Чем заманить? Что посулить неприкаянному?

Мнения разделились. Одни говорят – деньги. Вторые – тело. Третьи – вечный покой и вечную память.

А вместе с мнениями разделились и верующие в него...

Из газет

Турецкий. 4 апреля, воскресенье. 22.10

Лидочка немного успокоилась, но разговор упорно не клеился, – совершив пару безуспешных попыток завязать дискуссию о погоде, Турецкий молча уставился в окно. Таксист слушал по радио новости и язвил в адрес дикторши.

«После ряда публикаций в СМИ генеральный прокурор Владимир Замятин подписал постановление о проведении обыска в офисе охранного агентства „Вулкан“, якобы занимавшегося прослушиванием телефонных переговоров и слежкой за высокопоставленными российскими чиновниками, политиками и крупными финансистами. По некоторым сведениям, „Вулкан“ имеет в своем арсенале сверхсовременную шпионскую технику, которой могут позавидовать официальные спецслужбы».

– О-о-о... – иронично тянул таксист.

"Так, в наделавшей около месяца назад много шума статье «Всероссийская паутина», напечатанной в «Московском комсомольце», анонимный автор утверждал, что «Вулкан» прослушивает и при помощи суперкомпьютера стенографирует все переговоры по мобильным телефонам на территории нашей страны, а также переговоры по линиям правительственной связи. Кстати, упомянутый суперкомпьютер, по словам автора, вывезен из США в обход установленных ограничений на экспорт новейших компьютерных технологий, что само по себе является уникальным случаем в истории технического шпионажа.

По некоторым данным, «Вулкан» также имел практически неограниченный доступ к совершенно секретной информации, хранящейся в ФСБ и МВД".

– Дерьмо ваше ФСБ! – распалялся таксист. – От Конторы одно здание осталось. Прослушивают их... Скоро будут по пьяни углы обделывать!

"В распространенном сегодня заявлении пресс-центра Генеральной прокуратуры сообщается, что в результате проведенных оперативно-розыскных мероприятий установлена причастность «Вулкана» к незаконному наблюдению за семьей президента и рядом видных российских общественных деятелей. Генеральным прокурором подписано постановление о возбуждении против руководителей «Вулкана» уголовного дела по признакам статей 137 и 138 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни и нарушение тайны переписки, телефонных переговоров).

Руководитель пресс-центра Генпрокуратуры Олег Сытник в интервью нашему корреспонденту, сославшись на необходимость соблюдения тайны следствия, отказался комментировать сведения о финансировании деятельности «Вулкана» Вилли Сосновским и связь вчерашних событий с проведенным на прошлой неделе обыском в московском представительстве фирмы «Универсал газ трейдинг», контрольный пакет акций которой принадлежит господину Сосновскому".

– Мужик, конечно, полное говно – но его уважаю! Нажухал родное государство на половину бабок и жив до сих пор!

"В свою очередь, в президентской пресс-службе нам сообщили, что публикации, послужившие основанием для проверок Генпрокуратуры, были включены в обзор прессы, который ежедневно готовится для президента. Однако пока ничего не известно о его реакции по этому поводу.

Сегодня поздно ночью Вилли Сосновский возвращается из Белграда, где, согласно информации РИА «Новости», он вел переговоры с югославским руководством о льготных поставках сжиженного газа и нефтепродуктов в эту страну для обеспечения гуманитарных нужд. По возвращении Сосновского в Москву, возможно, следует ожидать нового поворота в деле «Вулкана»..."

Такси остановилось у новой восемнадцатизатжки.

– Я тебя провожу. – Турецкий выбрался из машины и помог выйти Лидочке. – Похвастаешься своим гнездышком. – О том, что Лидочка с родителями больше не живет, он знал, но в гостях у нее, понятное дело, не был. – Асфальт тут на грязь клали или на снег? – живо интересовался Турецкий, шагая по колдобистому темному дворику. – А фонари только по праздникам включают?

Лидочка на его бодрые замечания не реагировала, сосредоточенно всматриваясь в темноту двора.

Дверь подъезда резко распахнулась прямо у них перед носом, Лидочка вздрогнула и невольно прижалась к Турецкому. Из подъезда выскочил стремительный хмурый мужик с авоськой и, буркнув «здрась...», убежал в ночь. Лидочка сделала вид, что просто оступилась – бетон на ступеньках крыльца, конечно, уже успел раскрошиться, – только Турецкий в это не очень поверил.

Поднялись на пятый этаж.

– Ты не против, если я тут похозяйничаю? – Турецкий прошел прямо на кухню и взялся заваривать чай.

Лидочка безучастно наблюдала за его деятельностью.

Обнаружив в холодильнике початую бутылку «Белого аиста», Турецкий щедро плеснул себе и хозяйке. Изумительный букет коньяка с бергамотом приятно щекотал ноздри. Почему-то захотелось есть.

– Вы хоть успели поужинать до того? – как бы невзначай поинтересовался Турецкий. Неплохо было бы подкрепиться парой бутербродов, но Лидочке есть не хотелось, и он решил отложить подкрепление до возвращения домой. – Расскажешь, что случилось?

– Ничего не случилось. – Она медленно прихлебывала чай, глядя мимо Турецкого.

– Лидка! – взорвался он. – Ну ты на себя посмотри: ревешь, руки дрожат, от соседей шарахаешься. И ты мне будешь говорить, что ничего не случилось? Если это, конечно, дела амурные, ради бога – разбирайся сама. Хотя стоило бы этому надутому уроду популярно объяснить, как себя вести с хорошенькими девушками...

– Не амурные.

– Хорошо. Уже гораздо проще. Чего же он от тебя хочет? Может, денег? Ты у него деньги не занимала?

– Нет. – Она снова была готова расплакаться.

Разговор нужно было прекращать, но и оставлять девушку одну в таком состоянии не хотелось.

– Может, Косте позвонить?

– Александр Борисович, – Лидочка умоляюще посмотрела на Турецкого, – только отцу не нужно ничего говорить, хорошо?! У меня все нормально, я со всем разберусь, просто сегодня как-то сразу все... Это пройдет, все можно как-то уладить.

– Ладно, попей чайку – и спать. Но завтра я заеду и ты мне все-таки объяснишь. А то придется мне допросить с пристрастием твоего знакомого. Номер его колымаги я запомнил, мы в два счета выясним, кто он, и устроим наглецу допрос третьей степени...

По мере того как Турецкий рисовал перспективы розыскных мероприятий, лицо Лидочки вытягивалось и серело.

– Завтра, – выдавила она, – давайте поговорим завтра.

Отходя от двери, Турецкий услышал, как Лидочка закрылась на два замка и набросила цепочку.

Турецкий. 5 апреля, понедельник. 7.40

Сегодня Турецкий явился на работу на час раньше обычного, надеясь подремать на любимом диванчике часок-другой. Всю ночь дражайшая супруга развлекала его страшными догадками о том, что такого ужасного могло случиться с Лидочкой, и договорилась до того, что у Кости Меркулова скоро появится внучок-негритенок, папаша которого продал Лидочку за долги в гарем зимбабвийского князька. Турецкого оригинальные версии жены откровенно нервировали, но и закрывать тему было опасно – не выговорись Ирина Генриховна с ним, обязательно потянет ее поговорить с кем-то еще. В результате спал он часа полтора, не больше.

Однако оказалось, что в ранние птахи записались сегодня чуть ли не все служители Немезиды. В коридорах Генпрокуратуры было непривычно многолюдно. Народ бегал из кабинета в кабинет. Пока Турецкий поднимался на свой этаж, его несколько раз остановили на лестнице, интересуясь, не смотрел ли он ночью телевизор. Группа коллег, человек десять, курила у открытого окна, что-то оживленно обсуждая.

– Сан Борисыч! Телик ночью не смотрел? – снова окликнул кто-то Турецкого.

– Я по ночам сплю или... работаю. Случилось что?

– А хрен его знает.

Может, опять путч какой-нибудь, подумал Турецкий, заваривая кофе. Спать почему-то перехотелось. А ведь весной еще путчей не было. Непорядок.

Ровно в девять селектор голосом секретарши генерального сообщил, что Турецкого вызывают на ковер. Точно путч, решил он. Причем все уже сдались, признались и покаяться, а теперь просто протоколы заполнять людей не хватает.

Генеральный прокурор Замятин с серо-зеленым лицом хлестал минералку «Ессентуки-17» и жадно курил. От «доброго утра» Турецкого его просто передернуло:

– Постыдился бы!

– А в чем, собственно...

– Думаешь, из-за кого мы здесь собрались?!

Турецкий вопросительно взглянул на Меркулова, сидевшего за приставным столиком. Тот уныло кивнул – из-за тебя, мол.

Значит, не путч.

Турецкий быстренько перебрал в уме свои изыскания за последние несколько дней, но ничего экстраординарного вроде не случилось и не затевалось. На нем, правда, висело безнадежное дело о коррупции в Минтопэнерго, и генеральный недавно намекнул, что его (дело) надо побыстрее закрывать. Турецкий, естественно, сделал вид, что не понял, и продолжал копать по инерции, со свойственным опытным ищейкам автоматизмом, абсолютно не веря при этом в успех. Но вызвали его наверняка не из-за этого. Чтобы прикрыть дело потихому, не нужно устраивать показательный разнос с приглашением Меркулова.

– Был звонок из администрации президента, – с нажимом объяснил Замятин. – И меня очень попросили указать некоторым работникам Генеральной прокуратуры на их неадекватное поведение, порочащее авторитет серьезной организации, в которой они изволят служить. Теперь понятно?!

– Ну... в общих чертах. Хотя, конечно...

– Хватит ваньку валять, Турецкий! – рявкнул генеральный так, что даже закашлялся. Он отхлебнул еще минералки и продолжил, чуть сбавив громкость: – Вчера в ресторане «Россини» сотрудник администрации президента Аркадий Антонович Братишко ужинал с девушкой, никого не трогал, никому не мешал. Вы без всякой видимой причины вдруг взялись приставать к его девушке, оскорбили его в ее присутствии... действием! Нецензурно

хамили. Нанесли человеку огромный моральный ущерб и увезли девушку на такси в неизвестном направлении... Я все правильно излагаю? Теперь припоминаете свои подвиги? Или вам дословно изложить, какие слова и с какими интонациями вы произносили в адрес уважаемого и, заметьте, трезвого на тот момент человека?

Турецкий просто опешил от такой наглости. Это он, значит, нецензурно хамил? Оскорблял действием и наносил моральный ущерб?!

– И не надо мне говорить, что вы не знали, кто он такой, – пресек его попытку возразить генеральный. – Во-первых, вы неоднократно бывали в администрации президента, я правильно понимаю? И могли бы запомнить тамошних сотрудников хотя бы в лицо. А во-вторых, работнику Генпрокуратуры, тем более следователю по особо важным делам, вообще негоже напиваться до пороссячьего визга в общественном месте. Не умеете пить – сидите дома! – Замятин с отвращением посмотрел на свой стакан, но сделал еще глоток.

Турецкий поставил бы сто к одному, что и сам генеральный вчера здорово выпил – и цвет лица, и неуместная в такую погоду жажда о чем-то да говорят понимающему человеку. А Замятин между тем, почувствовав прилив новых сил, забежал по кабинету, энергично разрубая кулаком воздух перед собой:

– Я уже устал повторять, что пьянство, хамство, а тем более рукоприкладство несовместимы с прокурорским мундиром! Вообще аморальное поведение в любых его проявлениях должно караться самым жестоким образом. И если бы не ваши, Александр Борисович, бывшие заслуги и не заступничество Константина Дмитрича, – быть бы вам завтра же на бирже труда!

Беготня генерального окончательно вымотала, он упал в кресло и прикрыл ладонями лицо, чтобы не видеть больше осрамившегося «важняка», а может, опостылевшую минералку.

– Немедленно напишите подробный рапорт, в котором не забудьте пару раз упомянуть о том, как вы глубоко раскаиваетесь. А кроме того, перед Братишко вам придется извиниться лично. Для начала можно попробовать по телефону. И не дай бог, – Замятин из последних сил трахнул кулаком по столу, – до меня еще раз дойдет информация подобного рода! Пеняйте на себя. Все. Свободны.

– Она хоть того стоила? – поинтересовался Меркулов, когда они вышли из кабинета Замятина.

– Стоила, – буркнул Турецкий. – А козлу этому я в следующий раз и правда морду набью. Гаденыш, ответить, как нормальный мужик, он, значит, не мог, а ябедничать научился. Молокосос хренов!

– Ты только в рапорте не пиши про то, что в следующий раз будет, ладно? – усмехнулся Меркулов. – И про молокососов и гаденышей тоже пока, пожалуй, не стоит.

– Ладно, не буду.

Войдя в кабинет, Турецкий в сердцах пнул ногой стул для посетителей, подумал и выплеснул в горшок с кактусом остатки остывшего кофе. Кактус возмущенно передернул иглами – захотелось пнуть и его, но Турецкий сдержался.

В первый раз, что ли! Да пропади оно все пропадом! Вам хочется рапорт – получите. Он включил компьютер и принялся писать.

«Вчера, в неслужебное время, находясь с супругой (Турецкой И. Г.) в ресторане „Россини“ и выйдя в вестибюль покурить и подышать свежим воздухом, я имел неосторожность приблизиться к сотруднику администрации президента Братишко (о том, что данный гражданин носит фамилию Братишко и работает в администрации президента, определить в тот момент не представлялось возможным). Спутница упомянутого господина Братишко была расстроена и явно порывалась уйти, но он ее насильно удерживал. Возможно, он был пьян, а возможно, просто не умеет вести себя с женщинами. Я помог девушке одеться и вызвал

для нее такси. При этом, возможно, я и ответил на его бессвязные реплики с угрозами в мой адрес и в адрес его же спутницы...»

Турецкий перечитал написанное. Конечно, Братишко козел, и на место его поставить надо. И это даже нетрудно будет сделать, если прямо сейчас сбегать собрать свидетельские показания с дедка из гардероба, гетеру опять же можно найти. Только стоит ли огород городить? Таких уродов ни рапортом, ни свидетельскими показаниями не проймешь и не ударишь. И врать он не разучится, и ябедничать не перестанет, а вот факт присутствия там Лидочки может всплыть, и нужно ли это – непонятно. К тому же Костя наверняка обидится. И даже в морду Братишко этому уродскому заехать нельзя, по той же самой причине. Досада какая...

Турецкий стер все, кроме начала первой фразы – удобная все же штука компьютер, сколько бумаги экономится.

"Вчера, в неслужебное время, находясь с супругой (Турецкой И. Г.) в ресторане «Россини» и выпив бокал несвежего коньяка «Юбилейный», я почувствовал легкое недомогание и не могу восстановить в точности дальнейшие события.

Я глубоко раскаиваюсь, если за вышеуказанный период я невольно нанес кому-либо какой-либо моральный ущерб".

Так уже лучше, и Лидочку можно не упоминать, но слишком коротко. Чем бы разбавить? Тосты, что ли, вспомнить вчерашние и указать, после какого поплохело?

Отчаянно захотелось пива.

Турецкий потянулся к телефону – позвонить Грязнову да плюнуть пока на этот чертов рапорт. Но Слава оказался проворнее – аппарат зазвенел буквально в руках у Турецкого.

– Ты телевизор смотришь? – Чувствовалось, что Грязнов доволен.

– Я рапорт покаянный начальству пишу.

– А это как раз про твое начальство. Шестой канал.

Турецкий включил телевизор.

Шестой канал показывал нечто похожее на любительское кино. Среди каких-то пальм и кактусов в кадучках голый мужик бегал за двумя голыми девками, причем девки пьяно повизгивали и хихикали. Потом вся троица танцевала канкан. Мужик Турецкому кого-то напоминал, но кого именно, Турецкий сообразить не мог, камера почему-то все время снимала его со спины или сбоку. Дальше мужик полез на какое-то возвышение и начал что-то говорить, но слов было не разобрать. Девки замерли перед ним, одна – с пионерским салютом, другая – с «рот-фронтом». Мужик соскочил вниз и, видно, напоролся задницей или еще каким местом на кактус, потому что заорал благим матом. Мат, несмотря на хреновость записи, был легко узнаваемым, членораздельным и изощренным. Девки с хохотом взялись поливать пострадавшего водкой.

На этом любительское кино обрывалось.

«...Копии видеозаписи, отрывки из которой вы только что видели, по нашим сведениям, переданы во все телекомпании столицы, а также в администрацию президента, в Думу и Совет Федерации, – без выражения сообщил ведущий новостей. – Мы пока воздержимся от комментариев, вы видели то, что вы видели. Напомню только, что Закон о средствах массовой информации содержит пункт, в котором говорится, что видеоматериалы, снятые скрытой камерой, могут быть продемонстрированы в случае их явной общественной важности. А видеозапись с участием человека, который очень похож на генпрокурора, представляется нам достаточно общественно важной».

Ну и ну!

Картина Репина «Приплыли», хмыкнул Турецкий. То-то голый мужик до боли кого-то напоминал. А кто-то не далее как час назад распинался о несовместимости прокурорского мундира с аморалкой, пьяными дебошами и прочим безобразием.

Турецкий вырубил звук, но совсем выключать телевизор не стал. Ясно, что одним видеосеансом дело не кончится. Сейчас все начнут реагировать, комментировать, выражать мнения. А вот с рапортом можно и даже нужно пока погодить.

Мысли «важняка» опять вернулись к Братишко. Как его там... Аркадий Антонович. А. А., значит.

– А-а, – с натугой повторил Турецкий и довольно ухмыльнулся. Звучные инициалы, полностью отражающие всю его сраную сущность.

Только что ему нужно от Лидочки и ему ли это нужно? Может, он для каких-то своих боссов старается? Может, они через Лидочку планируют как-то давить на Костю?

Начались «Криминальные новости», которые, естественно, тоже пожелали принять участие в раздувании скандала. Эти, правда, пленку крутить не стали. Когда на экране возник пресс-секретарь президента, Турецкий увеличил громкость.

«...Глава государства и премьер-министр едины во мнении, что нечистоплотность и политиканство не совместимы с высокой должностью генерального прокурора. Борьбу с преступностью могут вести только морально незапятнанные люди...»

Зазвонил телефон. Меркулов попросил срочно зайти, и, не дослушав пламенную речь пресс-секретаря, Турецкий побрел к начальству.

– Рапорт написал? – устало поинтересовался Меркулов.

– А кому он теперь нужен?

– Тебе нужен и Братишко нужен, мне нужен, наконец...

– Да ладно, – отмахнулся Турецкий, – распечатаю, чего ты завелся?

– Значит, так, Замятина отстранили. Временно. Будет расследование. И тебе в нем отводится не последняя роль. Нужно выяснить быстро и без лишнего шума, кто, где, когда снял эту пленку, кто монтировал, где полная запись, короче, все насчет кассеты.

– А почему без шума, расследование же официальное?

– Потому что нынче модно стало взыскивать убытки за нанесение морального ущерба, и каждый, кого ты о чем-либо спросишь, может решить, что ты его неизвестно в чем подозреваешь, а значит, пора тащить тебя в суд. Кроме того, ты представляешь, сколько политики в это дело намешано?

– Представляю.

– Да ни черта ты не представляешь! Копия у нас тоже есть. Сейчас пленка у экспертов, они увеличат изображение, покадрово распечатают, короче, сделают все, что смогут, но ты на это особо не рассчитывай...

– А сам Замятин сказал что-нибудь?

– Ничего. Уехал на дачу, просил беспокоить только в экстренных случаях.

– Остальные дела, как я понимаю, на фиг? Минтопэнерго и прочее...

– Не на фиг, но Замятин прежде всего.

Турецкий. 5 апреля, понедельник. 19.40

– Спиннинг – лучший подарок для настоящего мужчины. Всего триста пятьдесят долларов, а удовольствия на миллион. – Суетливый продавец с хитрыми глазами совал в руки Турецкому удилище. – Вы только подержите его в руках, и вы влюбитесь на всю жизнь...

Лидочка просила приехать к восьми и соблюсти все меры предосторожности, вот Турецкий и начал усиленно их соблюдать. Добрался на такси за двадцать минут до назначенного времени, отпустил машину за квартал до нужного дома и, чтобы проверить, не торчит ли кто-нибудь подозрительный под Лидочкиными окнами, зашел в рыболовный магазинчик, удачно расположенный на противоположной стороне улицы.

– Конечно, кто-то предпочитает охоту, «Вепрь» или «Сайга» – это тоже солидный подарок, но кровопролитие? Я же вижу, вы интеллигентный человек, зачем убивать несчастных животных? Другое дело рыбалка – тонкая интеллектуальная игра. Противник скрыт в мутной глубине, он думает, что хитрее и умнее вас, но вот он заглатывает наживку и уже бьется в ваших руках... Вы любите шпионские романы? Это чем-то похоже. Вы резидент, шпион или наоборот, как вам больше нравится...

Штирлиц– 2, усмехнулся про себя Турецкий, с той только разницей, что там разговор шел о птицах, а здесь о рыбе. Свет у Лидочки горел. На подоконнике не было ни развесистой герани, ни тридцати трех утюгов. Плейшнеры не падали из окон, и у подъезда было абсолютно пусто. А продавец, уже наверняка сообразивший, что ничего Турецкий у него не купит, все продолжал болтать.

– Вы насытились победой, вы торжествуете, теперь самое время проявить великодушие. Вы можете отпустить пленника и начать охоту сначала. А скажите, можно ли отпустить медведя с простреленной головой? Вот! Лучшего подарка вы не найдете...

– А почему вы решили, что я выбираю подарок? – поинтересовался Турецкий.

– Извините великодушно, вы, конечно, интеллигентный человек, но вы не рыбак.

И не шпион, добавил про себя Турецкий и, поплотнее запахнув воротник куртки, решительно направился к Лидочкиному подъезду.

В подъезде было темно. Не то чтобы как у негра... но лифт не работал, и ступеньки пришлось искать на ощупь.

Преодолев первый пролет, Турецкий наконец поймал ритм, перестал вытягивать руки перед собой, чтобы случайно на что-то не напороться, и немного расслабился. Второй пролет дался уже намного легче. Но тут «важняк» кожей ощутил, что он в подъезде не один.

Выше был еще кто-то, этот кто-то также ощупью спускался по лестнице, а теперь вдруг остановился и... дышит. Желая убедиться, что это не его же собственное разгулявшееся воображение играет с ним злые шутки, Турецкий задержал дыхание. Звук не исчез. Тот, который стоял наверху, дышал по-прежнему. Тяжело, надрывно, со всхлипами. Чтобы так дышать, нужно было пробежать как минимум километра три по пересеченной местности с полной выкладкой или иметь килограммов сто тридцать весу.

А может, он тоже боится? Услышал шаги в темноте и испугался.

Турецкий потянулся за зажигалкой. Пусть он увидит, что идет нормальный интеллигентный человек, что бояться нечего. Не нужно возвращаться назад в квартиру за бейсбольной битой или обрезком водопроводной трубы...

Если, конечно, это не хитрый трюк. Щелчок зажигалки, хлопок – и пуля между глаз. Печальный финал матерого следователя. Но не стоять же тут вечно!

Вместо зажигалки Турецкий достал ПМ.

А тот наверху, которому тоже осточертело ждать, сорвался с места и понесся вниз. Станный цокот, как будто подков, по бетону ступенек и все то же тяжелое и хриплое, но стремительно приближающееся дыхание. Собака?

Банзай! Турецкий рванулся навстречу.

В крошечной темноте мелькнули два огромных красных глаза, и тупой удар впечатал «важняка» затылком в чью-то дверь. ПМ отлетел в сторону.

Собака– убийца.

Натасканная на людей, перекусывающая глотку вместе с шейными позвонками. Такому обойму в пузо – и то будет мало. Турецкий задыхался под волосатой тушей, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. А зверь не торопился вершить свое черное дело, забавляясь с жертвой, как кот с полузадушенной мышкой.

Где– то наверху хлопнула дверь, и в проеме лестницы мелькнул луч фонарика.

– Боб!

У Турецкого уже темнело в глазах от отсутствия воздуха.

– Боб!

Кто– то чертовски медленно и неуверенно спускался.

– Ах ты свинья! А ну встань с дяди немедленно!!!

Мокрый шершавый язык прошелся по лицу «важняка», сбил кепку и защекотал ухо. Нехотя, покряхтывая и обиженно сопя, убивец поднялся и отошел в сторону.

– Извините его, пожалуйста, он такой балованный, – оправдывалась девочка лет десяти, любовно поглаживая свое волосатое страшилище.

Турецкий судорожно глотал кислород.

– Ой, а это вы потеряли? – Девочка подняла пистолет и прицелилась в голову Боба. – Я тебя сейчас, плохая собака!

– Нет!!! – Турецкий еле успел клацнуть предохранителем, до того как девочка нажала на курок.

– А вы не бандит? – подозрительно поинтересовалась девочка.

– Милиционер, – отрезал Турецкий и через две ступеньки пошагал вверх.

– Мы с Бобом уважаем милиционеров, – донеслось вслед.

Инара. 1967 год

– Сегодня вы вступаете в большую кипучую жизнь, перед вами горизонты новых побед и новых свершений, вам строить светлое коммунистическое будущее нашей необъятной родины, крепить мир и международную солидарность... – Толстая директриса школы осторожно смахивала пот с обильно наштукатуренного лица.

Выпускники слушали ее в жаркой, пропахшей краской тишине свежотремонтированного актового зала – кто-то перешептываясь о своем, кто-то безудержно улыбаясь, кто-то даже украдкой вытирая слезы.

– Сегодня мы чествуем вас, выпускники 1967 года! Сегодня мы гордимся...

Инаре было скучно. Скучно и досадно слушать весь этот восторженный вздор, и особенно странно звучала эта речь из уст пожилой усталой директрисы. Вот в этом же розовом, давно не модном платье с аляповатыми желтыми тюльпанами на рахитичных серых ножках она встречала их первоклашками и, наверное, многих до них. И скольких еще проводит она в том же платье в «большую кипучую» жизнь, повторяя одни и те же слова, которые звучат скорее как панихида то ли по их детству, то ли по ее, директрисиной, жизни.

Школа для Инары была тюрьмой, постылой обязанностью и никому не нужной рутинной, и конечно же прощание с ней было праздником. Только отметить его хотелось не здесь, не так и не с этими людьми.

Девчонки в классе Инару Филиппову не любили, считали гордячкой и за глаза звали фифой. И потому, что она была красивее всех, и потому, что держалась всегда чуть покровительственно со всеми девчонками и надменно со всеми мальчишками, и, главное, потому, что, несмотря на весьма посредственные успехи в учебе, учителя всегда относились к ней более снисходительно, чем к остальным. Отец Инары был светилом советской медицины, хирургом с мировым именем, профессором и прочая, и прочая, и прочая... Естественно, ни на какие родительские собрания он не ходил, а видя в аттестатах дочери преимущественно тройки, относился к этому спокойно – главное, чтобы человек был хороший, а аттестат – это формальность, не более.

Мать Инары погибла в автомобильной катастрофе, когда Инаре было всего три года. Смерть жены была первой и единственной неудачей профессора Филиппова, ее он спасти не смог и, как бы замаливая тот грех, с тех пор работал как заведенный, оперировал по шесть-восемь часов в день, постоянно пропадал в командировках; в газетах, не только в местных, но и центральных, периодически появлялись статьи о том, как он спас от неминуемой смерти то какого-то выдающегося деятеля кубинской революции, то видного партийца из Вьетнама, Чехословакии или ГДР, или о том, что его доклад на международной конференции поднял на новую ступень авторитет советской науки.

Инару в школу подвозила служебная машина, у Инары было шелковое белье из Парижа, сапожки из Австрии и длинная беличья шуба – невиданная по тем временам роскошь, которую не могли себе позволить ни девчонки в классе, ни их мамы, ни учителя. Дома у Инары ели с саксонского фарфора, серебряными вилками и имели отдельные приборы для мяса и рыбы. А редких и хороших книг у ее отца было больше, чем «макулатуры» в школьной библиотеке. И еще она здорово рисовала портреты задумчивых мужчин и женщин и таких же задумчивых детей, как бы проникших в суть вещей и как бы познавших все-ленскую скорбь. Все это определяло Инару как существо из другой галактики, к которому естественно испытывать ксенофобию.

Зато мальчишки Инару обожали и боготворили. К концу школы рейтинг-лист ее поклонников возглавляла тройка закадычных друзей: Серега Бармин, Мурад Оласаев и Вовка Замятин. Каждый из них втайне надеялся, что она предпочтет именно его, а Инара надеялась, что в ее жизни появится наконец кто-то взрослый и настоящий.

– ...Комсомольские стройки и суровые таежные просторы, новые открытия, целина и вечная мерзлота, океанские дали и космические высоты ждут вас, ребята, ваши возмужавшие плечи...

Активист и боксер-первостепенник Сергей – большой, нескладный, с перебитым носом и стальной коронкой на верхнем левом резце – и смуглый красавец Мурад, с орлиным профилем и широкими смоляными взлет бровями, похожий скорее на грузина, чем на казаха, сидели по обе стороны от Инары и ловили каждое слово. Им действительно представлялось, что вот уже завтра они пойдут покорять все вышеперечисленное. А комсорг школы и круглый отличник Володя с внешностью романтических героев Грина, а может Островского (Николая Алексеевича, конечно), даже согласно кивал в такт директрисиным призывам и лозунгам.

Слово взял представитель района:

– Золотая медаль за выдающиеся успехи в учебе вручается Замятину Владимиру...

Розовая от удовольствия, Володя взлетел на сцену и галантно склонил голову, принимая заветную коробочку. Ответного слова от него никто не требовал, но он все же пообещал чего-то там не уронить, чего-то пронести через бури и невзгоды, чего-то не забыть и чего-то передать дальше.

В отличие, скажем, от олимпийских, школьные медали на шею носить не принято, но Володя был на этот счет другого мнения и быстренько прикрепил к награде заботливо припасенную красную ленточку – чтобы все видели, а коробочку бережно спрятал в карман.

— Дай поносить, — толкал в бок Володю Мурад.

– Ленишься надо было меньше, такую же заработал бы, – все еще млея от удовольствия, философствовал Володя, однако медаль дал. Не поносить, конечно, но подержаться.

– Неужели вся золотая? – удивлялся Сергей, отобрав цацку у Мурада и взвешивая на ладони.

– Черта с два! В лучшем случае позолоченная, – тянул Мурад награду обратно. – Надо на зуб попробовать.

– Лучше в серную кислоту опустить.

– Нет, в царскую водку...

– Умники! – возмутился Володя. – Дайте Инаре посмотреть.

– Красиво, – улыбнулась Инара. – Поздравляю.

– Надо обмыть, – заявил Сергей.

– И сегодня же, – поддержал Мурад.

Пока они забавлялись с медалью, суровый мужик с шефствующего над школой Урал-маша быстренько вручил путевки в жизнь (в заводское ПТУ) наиболее толстолобым выпускникам, и начался торжественный концерт. Снисходительно послушали, вяло поаплодировали, предвкушая самое интересное – бал.

Но и бал оказался каким-то скучным. Под пару школьных вальсов в исполнении магнитофона Инара успела потанцевать со всеми одноклассниками и даже с учителем физкультуры. Троица «официальных» поклонников ревниво наблюдала из-за стола, попивая теплое сидро и ковыряя приготовленные родителями салаты и закуски.

– Давайте сбежим? – предложила Инара, которой торжество надоело окончательно.

– Гениально! – восхитился Мурад. – Исчезаем по одному.

– Встречаемся через полчаса на остановке – и в лес, – окончательно оформил идею Володя.

– А с тебя, медалист, причитается, – напомнил Сергей.

Мурад пришел не через полчаса, а через час, но даже не собирался извиняться. Судя по отсутствию праздничного костюма, который сменился обычным, повседневным, и наличию туго набитого рюкзака, он успел заскочить домой.

– Икра, хрусталь, шампанское, – с гордостью похлопал он по своей поклаже, – а также набор для праздничного фейерверка.

Почти час тряслись в автобусе, потом еще полчаса топали пешком. В результате искать идеальную поляну уже не было никаких сил. Остановились на первой попавшейся, давно обжитой любителями пикников, о чем свидетельствовали старые кострища, но на удивление чистой. За кустами шиповника в поздних сумерках блестела речка и безудержно орали лягушки.

Вдруг забыв про усталость, друзья весело бросились таскать дрова, разожгли костер. Все зверски проголодались, жалели о несъеденных салатах и с нетерпением поглядывали на рюкзак Мурада. А он демонстративно медленно развязывал тесемки. Потом, как фокусник, одними пальцами извлек тонкое одеяло и, встряхнув, расстелил его у ног Инары. За одеялом последовала скатерть из куска клеенки, старые газеты и топорик, в которых уже не было нужды – костер давно горел, фонарик, транзисторный приемник, нож, штопор, салфетки, соль, спички и еще целая куча никому не нужных туристских причиндалов.

– Ну! А хрусталь-икра-шампанское?!

[illegible]

На скатерти появились граненые стаканы, бутерброды с колбасой, варенная в мундирах картошка и две бутылки ркацители.

– А для настоящих мужчин... блэнд кубинос сигарос, у отца сташил. – Он торжественно выложил в центр импровизированного стола одинокую толстенную сигару в алюминевом футляре.

– Для настоящих мужчин... водка «Столичная». – Володя достал из кармана бутылку и, ловко сковырнув крышку, разлил по трем стаканам, а Инаре налил вина.

– Медаль топи, – распорядился Мурад.

Володя осторожно опустил в жидкость свое сокровище и поднял стакан:

– За будущее!

Бутерброды закончились быстро, а за ними и подпеченная в костре картошка, досали даже горькую и вонючую с непривычки кубинскую сигару, и Сергей с Володей недвусмысленно поглядывали на рюкзак, в котором явно еще что-то осталось, причем довольно большое.

– А теперь фейерверк! – развеял призрачные надежды товарищей Мурад, вынув газетный сверток, в котором оказались несколько растолстевшие учебники. – Я их проселитровал, – объяснил он негнущиеся страницы и покоробленность знакомых обложек – «Алгебры», «Химии» и «Биологии».

Книги отправились в костер и вначале долго не желали загораться, а потом вдруг вспыхнули ослепительно ярким пламенем, рассыпая в ночь снопы оранжевых трескучих искр.

– Представляете, люди, я вот прямо только что стихи сочинил, – сообщил несколько захмелевший Сергей.

Смеясь, встречаем мы рассвет

И новой жизни шлем привет.

Родная школа позади,

И коммунизм впереди.

– Скажем прямо, не Евтушенко, – хмыкнул Володя.

– Кстати, – подхватил Мурад, – есть рифмы для продолжения этого эпического творения: комсомольцы – добровольцы, любовь – кровь, коммунизм – ленинизм, бойцы – леденцы...

– Отцы – огурцы... – поддержал Володя.

– Да идите вы со своей критикой! – отмахнулся Сергей, а потом, вдруг вскочив на ноги, обежал поляну и, вернувшись с жиденьким букетом одуванчиков, упал перед Инарой на колени: – Инара, выходи за меня замуж, будешь моей музой, а я твоей. Ты будешь писать картины, а я стихи о любви. И пусть тогда эти злопыхатели подавятся слюной от черной зависти к нашим творческим успехам.

– Инара Руслановна! – оттолкнул Сергея Мурад, тоже бухнувшись на колени. – Вам не по пути с этим доморощенным лириком, будьте моей женой.

– Да плюнь ты на них! – Володя подсел сзади и жарко зашептал ей на ухо: – Смотри – я! Умный, красивый, перспективный...

– Еще и скромный, – откликнулся Сергей.

– Ага, и еще у него медаль есть, – добавил Мурад, – наступит голод, он ее продаст и накормит тысяч пять народу, а ему за это еще одну медаль дадут, правда поменьше, он и ее потом продаст, если голод наступит. И так до бесконечности.

– Выбирай, Инара. А то мы тут сейчас дуэль устроим...

– Не дуэль, а триэль, вас же трое. – С реки потянуло холодом, и Инара зябко повела плечами. – Холодно, мальчики.

Как по команде три пиджака сорвались с хозяйских плеч. Володя оказался проворнее всех и первым набросил свой пиджак Инаре на плечи, но Сергей с Мурадом, не смущаясь, накинули свои пиджаки сверху его.

– Так будешь выбирать? – не отставал Володя.

– Не буду.

– Может быть, ей всех милей корольевич Елисей? – хмыкнул Мурад.

– Какой-такой Елисей?! – возмутился Сергей. – Покажите мне этого Елисея.

– Мальчики, солнце встает. – Инара поднялась, чтобы лучше видеть выползающий из-за вершушек дальних сосен солнечный диск.

– Правда, похоже на медаль? – восхищенно спросил Володя, осторожно обнимая Инару за плечи.

– Нет, – усмехнулась Инара. – Это медаль может быть похожа на солнце, а солнце ни на что не похоже. Солнце – это солнце.

– Первое солнце свободы! – провозгласил Сергей. – Здравствуй.

– А давайте поклянемся, что бы ни случилось, всегда быть вместе, – предложил Володя.

– А чем мы скрепим эту пошлую клятву? – поинтересовался Мурад. – Кровью?

– Нет. – Володя вынул любимый финский нож и ловко вырезал на стволе молоденького еще дуба: В.З. С.Б. М.О. И.Ф. – ВВ.

– И что такое ВВ? – не понял Мурад.

– Всегда вместе.

Турецкий. 5 апреля, понедельник. 20.20

– Кофе будете? – Сегодня Лидочка выглядела вполне спокойной.

– Кофе потом. – Турецкий сейчас с гораздо большим удовольствием выпил бы коньяку. Он был зол на себя и за дурацкую конспирацию, и за то, что не смог справиться с лохматым чучелом. Но злиться по большому счету бесполезно и даже неразумно, потому злость быстро нашла себе более подходящий объект, и им, естественно, оказался Братишко. Если б не этот гаденыш, не было бы ни утреннего клистира от генерального, ни этого пса. А интуиция подсказывала, что сейчас он узнает о нем очередную гадость.

«Важняк» придирчиво оглядел себя в зеркале и, не найдя на одежде вопиющих следов недавней схватки, прошел в комнату.

– Рассказывай.

– Знаете, Александр Борисович, я подумала и решила, что сама со всем справлюсь. Спасибо за вчерашнее...

– Не получится. – Турецкий демонстративно плюхнулся в кресло и сложил на груди руки. – У меня теперь в этом деле личная заинтересованность. Мне благодаря твоему Братишко сегодня клистир вставили...

– Вам?! – вдруг испугалась Лидочка.

– Мне. Пришла пора империи нанести ответный удар, а чтобы он попал в цель, империя желает знать все.

– Хорошо. – Она вздохнула, как показалось Турецкому, с облегчением и уселась на диван, поджав ноги. – Только я начну не с Братишко... Начну с Шестова...

Взглядом испросив разрешения, Турецкий закурил.

– Шестов – это кто?

– Шестов был моим непосредственным начальником...

– Извини, что снова перебиваю, но давай еще более сначала. Я, собственно, вообще о твоей взрослой жизни ничего не знаю. Костя молчит как хомяк, хоть приветы передает?

– Передает, – усмехнулась Лидочка.

– Ну и замечательно. Про то, что ты у нас дипломированный юрист, я знаю, а дальше хотя бы в общих чертах изложи, пожалуйста.

– В общих чертах. Примерно полгода назад я выиграла сумасшедший конкурс на замещение вакантной должности юриста в солидной и уважаемой фирме «Данко». Из тридцати претендентов выбрали меня, естественно, я себя заужала, возгордилась, собеседования действительно были толковые, думала, сейчас начнется интересная работа. Как бы не так. Было всего одно нетривиальное дело: мы не могли получить экспортную лицензию, но в итоге обошлись без моей помощи. Насколько я понимаю, наш гендиректор отстегнул сколько положено – и сразу все решилось.

Хм, хм, подумал Турецкий. Экспортную лицензию?!

– А так, – продолжала она, – обычная рутина: договоры, договоры, договоры... типовые, как под копирку, пару исков в суд, ничего выдающегося, платят, правда, щедро. Причем откуда берутся средства – мне лично не ясно. Судя по тем документам, с которыми я работала, годовой оборот фирмы сравним с месячной зарплатой всех сотрудников, и при этом еще постоянно идут большие отчисления в общественные фонды, на благотворительность...

– А чем торгуете?

– Нефтью преимущественно.

– Круто.

– Может быть, – пожала плечами Лидочка, – только я этой нефти в глаза не видела, и, по-моему, никто не видел, но это, наверное, не важно. Может, все-таки кофе выпьете?

– Выпью, только про Шестова расскажи, и сразу пойдем пить кофе.

– Шестов погиб. Десять дней назад. И вот после его смерти-то все и началось.

– Стоп. – Турецкий загасил сигарету и достал записную книжку. С этого места очень подробно. Как погиб, что началось? С датами и фамилиями.

– Леонид Макарович... это Шестов, был главным юрисконсультom, начальником юридического отдела, соответственно моим шефом. Двадцать шестого марта, в пятницу, он позвонил на работу, сказал, что болен и не придет. А вечером перезвонил снова и попросил меня привезти ему на дачу некоторые документы...

– Какие?

– Договоры на поставку все той же нефти. Он сказал, что поработает с бумагами в субботу. Естественно, я их привезла. Мы попили чаю, поболтали и расстались около десяти вечера. Дача у Шестова в Веледниково по Рижскому шоссе. Добралась я оттуда домой уже после полуночи, а в субботу позвонила Тая – это секретарша Фурманова, а Фурманов Глеб Евгеньевич – наш гендиректор, и сказала, что на даче у Шестова был пожар и он погиб...

– Так! – прервал Турецкий. – Документы были как-то связаны с той экспортной лицензией? И кому Фурманов давал взятку? Кому-нибудь... кому-нибудь в Минтопэнерго? – осторожно подсказал он.

Лидочка скептически покачала головой:

– Не знаю, не обязательно...

– Хорошо, хорошо, – махнул рукой Турецкий, – я в курсе.

– В курсе чего?

– Того, что кушать хотят не только в Минтопе, а еще и в таможенном комитете и прочих славных организациях. Скажи лучше, когда случился пожар?

– В том-то и дело, что до полуночи.

– И документы сгорели?

– Вы быстро соображаете, – невесело усмехнулась Лидочка.

– Тебя кто-нибудь допрашивал по этому поводу?

– Если вы имеете в виду милицию, то нет. Дело прекратили производством, видимо, сразу же, списав как несчастный случай. Но кое-кто оказался дотошнее милиции...

– Братишко?

– Да, этот домогается каких-то подробностей нашей последней встречи с шефом и, похоже, подозревает меня в краже этих злополучных документов. Но, главное, не он один. Некие темные личности требуют еще раз стащить бумаги...

– Что значит «темные личности»?

– Два мордоворота, один Андрей, другой Леша, фамилии мне не известны, род занятий тоже. Очевидно, чьи-то «шестерки», но я совершенно не представляю чьи. Так вот, они требуют добыть другие бумаги из сейфа Шестова, а заодно выдать им коммерческую информацию, которой я даже не обладаю. Причем ссылаются на то, что Шестову они заплатили, и заплатили много, речь шла о шестидесяти тысячах долларов, а он якобы поделился со мной. И разумеется, все поголовно угрожают повесить на меня смерть шефа.

– И с отцом ты обсуждать это не желаешь?

– Не желаю.

Турецкий поднялся.

– Ладно, пойдем пить кофе.

Пока Лидочка накрывала на стол, Турецкий обдумывал услышанное. Как она, интересно, собиралась сама с этим справиться? Сбежать собиралась, сигануть с балкона или натравить на уродов милицию? Да в гробу они ее видали, милицию.

– «Темные личности» и Братишко – независимые конторы или они вместе, как думаешь?

– Думаю, независимые.

– А Братишко к вашей фирме какое имеет отношение?

– Да, собственно, никакого. Он вроде как приятель или сын приятеля Фурманова, забежал иногда поболтать...

– А с тобой он на какой почве?...

– В один из своих набегов он вдруг как бы ко мне неровно задышал. Пару раз мы вместе поужинали. И все.

Турецкий потер затылок. Десять дней, блин! Сколько времени потеряли. Не хотела отца впутывать, мне бы рассказала или Грязнову. А теперь, чтобы все с этим пожаром прояснить, в лучшем случае еще неделя понадобится, а фирму проверить – и того больше. Станут ли «темные личности» ждать?

– Сильно на тебя жмут?

– Аркадий не очень, а эти двое прессингуют конкретно.

По дороге домой Турецкий решил, что нужно проверить, была ли смерть Лидочкиного шефа, вопреки ее утверждению, каким-то боком связана с делом о коррупции в Минтопэнерго, и заодно сочинял историю Лидочки для супруги, разумеется ничего общего не имеющую с действительностью. Долго и упорно перебирал всякие варианты и в результате остановился на самом банальном, но зато близком по духу впечатлительной Ирины Генриховны: ухажер Лидочки оказался отцом многодетного семейства, которое собирался ради нее бросить, но она, узнав про это, послала ухажера к черту, а он за ней бегаёт и устраивает сцены.

Редкая ахинея, конечно, но зато и Лидочка предстает в выгодном свете и подробностей не потребуется – кто же о таких глубоко интимных вещах станет рассказывать хоть и с детства знакомому, но по большому счету чужому человеку.

Турецкий про себя повторил печальную повесть несколько раз, чтобы потом не сбиться и не запутаться, но Ирину уже, оказывается, занимали другие проблемы. Она сидела, сосредоточенно уткнувшись в экран телевизора, и взволнованно грызла печенье.

– Саша, иди скорее, объясни, он это или не он! – Снова крутили пикантные кадры. – Я уже ничего не понимаю, как бы он, а пробую мысленно надеть на него мундир или костюм – как бы и не он...

– А поужинать можно? – Смотреть на эту порнографию Турецкому не хотелось, а в предчувствии того, что только этим кино он и будет заниматься в ближайшее время, не хотелось вдвойне.

– Котлеты на печке, только жевать приходи сюда, будешь комментировать.

Пока Турецкий разогрел котлеты, комментировать ему стало уже нечего – ролик-то всего на три минуты, к тому же комментировать взялся профессиональный комментатор. Ведущий еженедельной аналитической программы новостей Хмуренко, который в будние дни на экране появлялся крайне редко, сегодня счел своим долгом высказаться:

"Нашим корреспондентам не удалось сегодня встретиться с временно отстраненным от должности генпрокурора Владимиром Замятиным, который в данный момент пребывает в доме отдыха «Архангельское», расположенном в пятнадцати километрах от Москвы по Калужскому шоссе. Территория дома отдыха охраняется сотрудниками милиции, которые не позволили нашей съемочной группе проехать внутрь, а телефонные звонки туда остаются без ответа. Но «Независимая газета» опубликовала следующее высказывание Замятина по поводу разразившегося сегодня скандала: «Материалы, связанные с моей личной жизнью, добыты преступным путем с грубым нарушением закона. Ничего противозаконного я не делал».

– Его правда отстранили? – удивлялась Ирина. – А кого назначили? Костю?

– Не Костю, дай послушать спокойно.

– Можно подумать, для тебя это новости... – обиделась супруга, но ненадолго замолчала.

"Напомним, что назначение Владимира Замятина на пост генерального прокурора многими в свое время было воспринято с удовлетворением, если не сказать с восторгом. Замятин устроил всех представителей регионов и все политические группы, представленные в Совете Федерации. Наконец-то Генпрокуратуру возглавил человек, не связанный ни со столичной тусовкой, ни с мафиозными структурами, ни с олигархами, – обыкновенный доктор юридических наук, специалист в области государственного и конституционного права. «Человек из нутра прокуратуры, причем не следственно-надзорного нутра, где все и варилось, а из института по изучению причин преступности, где всякое варево не только пробовалось, но и обсуждалось» – так оценил назначение тогдашний председатель Совета Федерации.

Сразу после своего назначения, на встрече с председателем правительства, Владимир Замятин в качестве своего первого шага в должности генерального прокурора назвал оздоровление морально-психологической атмосферы в органах прокуратуры. В качестве второго – усиление правозащитного потенциала прокуратуры, активизацию ее функций по борьбе с преступностью путем усиления надзора за органами дознания и следствия, а также за оперативно-розыскной деятельностью. Третьим шагом, как полагал Замятин, должно было стать принятие мер для усиления кадров прокуратуры..."

– Саш, объясни, зачем он нам все это рассказывает? Все подробностей ждут: кто, где, с кем, когда...

– И сколько раз?

– И это тоже интересно, а он про фракции, может, лучше фильм посмотрим?

– Ир, будь человеком, завари чаю, – взмолился Турецкий.

«...Не секрет, что своим назначением Замятин во многом обязан известному российскому предпринимателю Вилли Сосновскому, который и представил Замятина президенту. Однако буквально в последние дни Замятин поручил возбудить несколько уголовных дел о финансовых злоупотреблениях, поводом для чего послужили материалы СМИ. И фигурируют в этих делах компании, имеющие непосредственное отношение к Сосновскому! Дальнейшее развитие событий пока непредсказуемо. Будут ли продолжены следственные мероприятия?»

Хмуренко натужно сглотнул слюну и, заглянув в бумажку, уставился в камеру. Видимо, сейчас должен был последовать какой-то сюжет, но что-то у них там не сложилось, и Хмуренко, извинившись, сменил тему:

"Сегодня состоялся пленум ЦК КПРФ, на котором обсуждалась стратегия объединения левых сил в преддверии парламентских выборов. Видимо, в целях объединения и консолидации из состава ЦК с треском были исключены два видных коммунистических деятеля.

Вместе с моими коллегами мы готовим серию передач под общим названием «Болезнь левизны, или Левые болеют расколом». Первую часть смотрите в нашей еженедельной аналитической программе. В репортажах наших корреспондентов, архивных материалах и интервью с людьми изнутри и снаружи сущность КПРФ, деньги КПСС и теневые спонсоры коммунистов..."

Хмуренко. 6 апреля. 10.40

– ...С 1972 по 1985 год работал старшим научным сотрудником в ведомственном НИИ Генпрокуратуры по изучению причин преступности, с 1985 по 1991-й – заместителем прокурора Москвы, в сентябре 1991-го благополучно вернулся назад в свой НИИ и был его директором до 1997 года. В институте, в 1972-1985 годах, завел дружбу с Виктором Ильичевым: работали вместе, доктор юридических наук Ильичев даже был свидетелем у него на свадьбе.

– Александр Сергеевич! Все, это понятно, ля-ля-фа-фа, тылы-былы. Тот, кому интересно, биографию уже прочел. А я – проштудировал. Про то, что Ильичев был у него шафером, допустим, нигде не упоминается. Но это же туфта все. Вопрос: поддерживали они отношения до последнего времени или нет и какую роль сыграл Ильичев и коммунисты вообще в продвижении Замятина на должность генпрокурора? Закулисную имеется в виду.

Хмуренко разлил кофе и подвинул молодому коллеге.

– Тебя, уважаемый Михаил батькович, не интересно жизни учить, поскольку ты сильно умный. Понятия не имею, здоровались они или нет с 1985-го по 1997-й, нужно проверить. При назначении Замятина Ильичев в Думе ратовал за него, аж из кожи вон лез, но сам Замятин на это реагировал сдержанно. Есть архивные пленки, обязательно подними, я тоже переосмотрю.

– Ладно, ладно, Александр Сергеевич, я все сделаю. Но вы же понимаете, и я понимаю: в верхнем слое ничего не наскребешь. Нужно вычислить круг знакомств Замятина в 80-е – начале 90-х, если брать достаточно близкие, получится не больше полусотни человек, ну пусть сто, далее: кто из них имеет тесные связи с КПРФ? Этих уже можно по пальцам пересчитать и, наконец, выяснить, с кем из них он встречался за неделю-две-три до своего назначения. Всплывет что-нибудь интересное – тогда все, считайте, ему каюк. За дело берутся профессионалы, и выкристаллизовывается самоочевидная схема: коммунисты продвинули на пост генпрокурора своего человека, он играет роль троянского коня в президентском лагере. Втерся в доверие к президенту и его окружению, а спустя год начал под них копать, опираясь на поддержку коммунистов в Думе и Совете Федераций.

– Для чего?

– Программа максимум – добиться импичмента, программа минимум – правительственный кризис и полная дискредитация исполнительной власти. И между делом – выбивание из финансовых структур пожертвования в партийную кассу. Что и требовалось доказать.

– Не это требовалось доказать, – сказал Хмуренко недовольно, с расстановкой. – И не так! Кто-то проверит сто человек... То есть я должен дать заказ конторе типа «Вулкан», а потом за дело берутся профессионалы – Миша Лепешкин.

– Но я же все равно не смогу сам!

– Не сам. Ты в команде работаешь. Но своего маленького ЦРУ у меня нет. И дело даже не в этом. Что ты собираешься инкриминировать коммунистам? Что их ставленник взялся вывести на чистую воду «темные делишки антинародного режима»? Тогда сразу напрашивается вывод: кто организовал компромат на него, кому это выгодно?

– Я вас умоляю, Александр Сергеевич! Мы не в эфире! Кто организовал компромат?! Это и ребенку понятно.

– Значит, так. «Русское радио» слушаешь иногда? «Не учи отца, и баста!» Понятно трехлетнему ребенку? А нужно сделать так, чтобы академик не смог разобраться. Перед тобой стоит четкое задание: разработать концептуальный план серии передач про Замятина, в которой показать его связь не просто с голыми девками, а с расколом коммунистического блока. И времени у тебя до вечера. Все, иди думай пока! Мне на одиннадцать назначено к ба-альшому начальству.

– Замечательно, – пробурчал себе под нос Лепешкин. – Есть только две проблемы: где взять раскол и куда упрятать живот Сосновского, чтоб из-за каждого угла не выпирал.

Хмуренко, услышав его слова, резко обернулся:

– Опять за свое?! Запомни, я с тобой эту тему снова обсуждать не намерен! Найди полмиллиарда баксов, открывай собственный канал и делай что хочешь. Давай, полный вперед!

– Я б с удовольствием, осталось найти полмиллиарда.

– Женись на внучке Сосновского.

– Она еще несовершеннолетняя.

– Значит, на дочери!

– Петр Витальевич еще не освободился! – надменно сообщила строгая секретарша, когда он вошел в приемную.

От ее диванно-пружинного голоса Хмуренко поморщился. Шефом скрипучей секретарши был заместитель начальника отдела информационных программ. Хмуренко его терпеть не мог и обычно в упор не замечал, проходил мимо не здороваясь. Но в данном случае уклониться от встречи не представлялось возможным: начальник отдела был в отпуске и Петр Витальевич временно исполнял обязанности. Сам он, кстати, всегда и всем улыбался, тому же Хмуренко, потрясая при этом заплывшими щеками и тремя подбородками.

Ожидание получилось основательным. Поймав на себе в определенный момент усмехающийся взгляд секретарши: сидишь, дескать, ну-ну, он достал блокнот и принялся делать пометки. Он нарисовал схематического Замятина, раскинувшего руки в стороны, и стал прищипливать его к распятию булавами, снабженными бирками: «видеозапись», «кредит хозупр. генпр.» и т. д. Схема эта не имела отношения к разработке плана кампании, который они обсуждали с Мишей Лепешкиным. План на самом деле был давно составлен, уныл и бесперспективен. А возиться с Лепешкиным приходилось, поскольку он, во-первых, приходился ему, Хмуренко, дальним родственником и, во-вторых, пацан был, безусловно, талантлив. И, естественно, упрям, как положено молодому гению: всегда желал заниматься лишь тем, что выстрадал лично, поэтому к каждому серьезному заданию его приходилось подводить.

Когда на генпрокуроре не осталось от булавок живого места, на столе у секретарши в очередной раз зазвонил телефон. Шеф, догадался Хмуренко по изменившемуся выражению ее лица.

– Александр Сергеевич, проходите. Петр Витальевич ждет вас, – подтвердила она его предположение.

Оказывается, он все это время сидел у себя в кабинете один! И занимался чем-то архи-важным. Настолько, что надо было его, Хмуренко, томить полчаса в приемной.

– Здравствуйте, Петр Витальевич. – Хмуренко поздоровался первым, как будто именно он был хозяином кабинета, продолжая бушевать внутри себя и не слишком скрывая это. – Не стану вас долго задерживать, дела, я понимаю...

– Да-да, конечно, – как ни в чем не бывало деловито подхватил Петр Витальевич, – давайте сразу к делу. Я был на совете акционеров... Вы же знаете, что сегодня был совет акционеров?

– Да, за новостями слежу.

– Так вот, сегодня Вилли Геннадиевич был собственной персоной. И в открытую вас защищал. В наблюдательном совете кое-кто прямо жаром пышет против вас и говорил очень неллицеприятные вещи. Я не буду называть по имени-отчеству, вы, наверное, сами догадываетесь. И не он один, хочу вас предупредить, – вы же понимаете, какая там обстановка, и как они стремятся сожрать любого порядочного журналиста. Я, между прочим, тоже взял слово и выступил в вашу поддержку, чтобы вы не подумали... От нашего лица, от журналистской братии. – Петр Витальевич замолчал, очевидно ожидая благодарности, но Хму-

ренко с профессионально отработанным выражением глубокой заинтересованности молча смотрел ему в глаза... От журналистской братии! Засранец. За всю жизнь не напечатал ни единой строчки и не сказал ни слова в эфире. А в поддержку выступил! Герой России! Осмелился Сосновскому прилюдно лизнуть задницу... – Так вот. По поводу, значит, вашего цикла передач, который вы заявили в субботнем эфире. На всякий случай напишите сейчас заявление об отпуске по состоянию здоровья, если понадобится мы его потом обнародуем, чтобы не выглядело... Ни с вашей, ни с моей стороны...

– Спасибо, Петр Витальевич. Я абсолютно здоров!

– Но тогда в случае чего я же не смогу вас выручить! Вам надо заручиться... Ну большей, нежели моя, поддержкой, вы же понимаете. В общем, Александр Сергеевич, если мне навяжут решение о вашем увольнении, я вынужден буду его подписать. Поймите...

– Я все понимаю! – Хмуренко встал. – Если вы помните, я сам не так давно сидел на вашем месте, пока не было принято решение о моем очередном увольнении. Считайте, что вы меня предупредили.

Миша Лепешкин трудился за компьютером, оседлав кресло задом наперед, и, свесив руки через спинку, быстро и сосредоточенно нажимал на клавиши. Было видно, что он дозрел. Рядом с ним пристроилась первая помощница Хмуренко – Лада Рябец, она рассеянно поглядывала на экран и нетерпеливо теребила сумочку.

– Команда в сборе! – удовлетворенно сказал Хмуренко, заливая в кофеварку три чашки. – Начинаем мозговой штурм. Слово господину Лепешкину.

– Сорок секунд, – отозвался Миша. – Как большое начальство?

– Как обычно, с полными штанами.

– А, – сообразил Лепешкин. – Нас опять типа закрывают!

– Александр Сергеевич, материал, – перебила Лада.

– Хорошо, как раз сейчас и обсудим! – ответил Хмуренко, улыбаясь.

Но Лада не поддержала, по обыкновению, его благодушного тона, покачала указательным пальцем и скосила глаза на Лепешкина. Хмуренко удивленно уставился на нее.

– Так, Миша! Обеденный перерыв! У нас с Ладуской интимный разговор.

Когда дверь за Лепешкиным закрылась, Лада извлекла из сумочки диктофон.

– Что тут у тебя?

– Александр Сергеевич, бомба! Ильичева подкармливают нефтедолларами.

– Откуда кассета?

– Из лесу, вестимо. От одного знакомого из «Прим-ТВ». Дал всего на час, или мы покупаем, или он отдает своим. Потом подробности, давайте слушать.

"Ильичев...некстати Глеб Евгеньевич.

Глеб Евгеньевич. А теперь представьте, как это для меня некстати! Человек погиб, документы сгорели! Я уже не говорю о том, что надежного человека не найти – их же вообще выпускать перестали, конвейер сломался... А что я буду делать, если они просто порвут контракт и скажут, что впервые меня видят?

Ильичев. Глеб, перестаньте. Вы же не с «новыми русскими» имеете дело. Если бы они так поступали – жили бы в дерьме, как мы.

Глеб Евгеньевич. Мы – это кто? (Смеется.)

Ильичев. Народ. (Долго смеется.) Ты ж понимаешь, момент какой и международная обстановка... (Снова смеется.)

Глеб Евгеньевич. Международная обстановка такая, Виктор Тимофеевич. Я попросил оплату пока приостановить. На всякий случай. Они, конечно, страшно удивились: как так, нефть поставил, а от денег отказывается?!

Ильичев. И что теперь?

Глеб Евгеньевич. Ну я форсировать оплату пока не хотел, но раз вы настаиваете. Я думаю, если за десять дней ничего не случилось, значит, уже, скорее всего, ничего и не будет. Вот... На вашем счету деньги будут послезавтра к середине дня.

Ильичев. На каком именно?

Глеб Евгеньевич. Это как пожелаете, Виктор Тимофеевич, форма оплаты – в удобном для вас месте! Вы больше море любите или Альпы?

Ильичев. Я порядок люблю. Вы обдумали мою просьбу?

Глеб Евгеньевич. Да. Я думаю, что дополнительные два миллиона – не проблема. Но не завтра, конечно, – к Первوماю..."

Лада выключила диктофон.

– По существу, все. Дальше они полчаса анекдоты рассказывают.

– И сколько твой знакомый просит?

– По-скромному, Александр Сергеевич, двадцать тысяч.

– Берем. Скажи ему, что деньги получит завтра.

– А...

– Завтра, завтра, ты что, мне не доверяешь? Или он тебе не доверяет? Давай подробно, все, что знаешь: кто такой Глеб Евгеньевич, почему им заинтересовалось «Прим-ТВ» и так далее.

– Про Глеба Евгеньевича ничего не знаю, но постараюсь узнать. А «Прим-ТВ» водило Ильичева. Как раз мой знакомый этим и занимался.

– И что ты обо всем этом думаешь?

– Вы имеете виду, не фальшивка ли? Нет. Он сам записывал разговор, с этой стороны все чисто. Другое дело: Ильичев мог заметить слежку, подумал, что это люди Сосновского, и специально устроил спектакль – позволил себя записать. В общем, нужно очень осторожно все проверить, убедиться, что нет подвоха.

– Лада! Я тебя не узнаю! – Хмуренко сорвался с места и стал вышагивать по кабинету. – Ты как Мишка рассуждаешь, но ему простительно – он вчерашний студент, а ты работаешь на телевидении, слава богу, уже пять лет! Ты хочешь, наконец, свой канал, хочешь быть заместителем генерального директора? Или хочешь, чтобы всякое дерьмо вроде Петра Витальевича пинало меня как шавку, а тебя и вообще не замечало?! Ты скандала боишься?!

– Я все поняла, Александр Сергеевич! Не надо нервничать.

– А я спокоен. Это я тебя вразумляю. Если все поняла, скажи: почему этот Глеб Евгеньевич отстегивает копеечку Ильичеву?

– Ну, скорее всего, кто-то из коммунистических губернаторов обеспечивает ему крышу.

– Вполне вероятно, но скучно! Другой вариант давай, неужели не видишь?!

– Ну... деньги КПСС... Ильичев через Глеба Евгеньевича их понемногу отмывает?

– Да! Да!!!

– Но это же фигня наверняка, утка от начала до конца...

– Плевать! Так даже лучше. Не убьют, по крайней мере.

Турецкий. 6 апреля. 9.10

– Был бы он честный человек, его бы уже давно пристрелили! – безапелляционно заявил Вячеслав Иванович.

– Нас же с тобой не пристрелили пока? – мягко возразил Турецкий. – Или мы не честные?

– Во-первых, неоднократно пытались, а во-вторых, мы же не генеральные прокуроры. Пока.

Турецкий с утра первым делом заехал к Грязнову, хотел поговорить о Лидочке, запрячь старого товарища – работы же море, а сроку наверняка не больше недели. Заодно можно было бы и грязновского племянника Дениса ангажировать. Короче, ситуация требовала совместного осмысления и творческого обсуждения.

Но Вячеслава Ивановича всецело занимало грехопадение генпрокурора, он жаждал высказаться, чем и занимался с большим успехом, только изредка позволяя Турецкому вставить слово.

– Нормальный мужик на его месте давно бы уже подал в отставку или позвал журналистов и сказал: ребята, моя личная жизнь никого не касается. Да, это я там на той кассете, да, признаюсь, дурак был, впредь обещаю поумнеть. С Клинтона пример берет? И я не я, и хата не моя. Можно подумать, он первый! Сунулся в мировое сообщество – перенимай передовой опыт. Вон Мейджер, когда на него такое же повесить пытались, что сделал? Вышел и сказал: личная жизнь, граждане, не может быть мерилом служебного соответствия, да я так стресс снимаю! Или тот же Нетаньяху в аналогичной ситуации, тоже молодец мужик...

– Слава, за что ты меня агитируешь? – недоумевал Турецкий. – Может, мне тоже созвать журналистов, рассказать, как и с кем я Ирке изменял, объяснить, что у нас в Генпрокуратуре это обычное явление и Замятин просто решил не отрываться от коллектива?

– Давай действуй, – кивнул Грязнов. – Может, он тебе спасибо скажет. Суть в том, Саша, что ты стоишь на совершенно неправильной позиции и думаешь, или делаешь вид, что думаешь, что все нормально. Вот и этой своей пресс-конференцией и расследованием своим ты собираешься Замятина защищать, выгораживать, а его топтать надо грязными сапогами. Он сидит себе тихонечко в своей норке и ждет, когда такие, как ты, его отмажут, а ты рад стараться.

– Слава... – попытался возразить Турецкий, но Грязнов не позволил.

– Так, может, еще кто-то надеялся, что генпрокурор в России не последний урод, а теперь уже никто не надеется. Все уже всё поняли: дерьмовым компроматом его можно принудить к чему угодно. Потребуют от него отставки – пожалуйста, дерьма сколько угодно, просто не востребовано пока. А он ждет. Как бы не ошибиться, не рассердить кого-нибудь.

– Ну ладно, – смирился Турецкий. – То, что Замятин трус и где-то в чем-то подлец, ты мне доказал, хотя доказывать, собственно, и не требовалось. Конечно, хорошо бы было, если б генпрокурор у нас оказался эдакий былинный богатырь Арнольд Шварценеггер или, еще лучше, герой типа короля Артура – сильный, смелый, умный, справедливый и патологически честный. Но таких наверх не пускают. Я тебе сказал, что люблю его? Уважаю? Готов за него жопу рвать на немецкий крест?

– Не сказал, – согласился Грязнов, – хотя...

– Подожди! – прервал Турецкий. – Он что, лично меня попросил, в приватной беседе, раскопать, кто и зачем это кино снял? Нет. Идет официальное расследование, санкционированное президентом, и я просто делаю свою работу, никого не пытаюсь выгораживать или, наоборот, топить. Да, я его не люблю, но порнуху про него компилировать – это тоже не метод. Как же, голую задницу его вся страна увидела! Да ты же сам только что говорил: голая

задница во весь экран еще не повод кричать о продажности. Тем более задница в окружении обыкновенных шлюх, а не каких-то там криминальных или мафиозных задниц. Чтобы заявлять о продажности, нужен более веский повод, и у меня лично его нет.

Грязнов поднялся и, опершись руками о стол, навис над Турецким:

– А у меня есть!

– Серьезно? – Турецкий тоже поднялся и тоже оперся о стол.

– Серьезно. Ты работал по делу Русского резервного банка?

– Нет.

– Вот.

– Что «вот»? – Турецкий махнул рукой, сел и достал сигареты. – В Генпрокуратуре не один я работаю...

– Не в том дело. – Грязнов резво сделал круг по кабинету и снова навис над приятелем. – Таких, как ты, к этому расследованию вообще не подпускали!

– Отчего это?

– Оттого, что такие, как ты, могли бы что-нибудь откопать и рот им потом заткнуть одной премией или звездочкой на погон было бы затруднительно. Тут работали люди мягкие, податливые, с пониманием. Пластилиновые вороны. И наработали...

– У тебя если банк, значит, обязательно супостаты. Может, там и нечего было откапывать?

– Откапывать действительно было уже нечего, все и без них откопали и принесли им на блюдечке с голубой каемочкой, пользуйтесь. Нашим ведомством все было отработано. Лично замминистра МВД Рощин курировал, хочешь с ним побеседовать, могу устроить. ГУБЭП планомерно всю финансовую деятельность этих Русских резервистов изучил, и выяснилось, что Русские резервы лежат в основном на Кипре. И совсем они уже не общерусские, а принадлежат конкретным россиянам братьям Оласаевым, как раз руководителям этого вот банка. Эти же Оласаевы обули Промимпорт, Росоружие, накосили «лимонов» двести пятьдесят. Баксов, разумеется. И ладно бы никто об этом не догадывался, но доказательства же были! Но вместо того чтобы отдыхать на нарах, наши герои живут себе припеваючи. А почему? Потому что Замятин лично дал указание это дело замять. В результате статьи изменили на совершенно плевые, Оласаевы превратились в «руководителей, допустивших должностную халатность», и обвинение так и не было никому предъявлено. А ты говоришь, повода нет считать Замятина продажным уродом.

– А Рощин этот твой на кого работает? – как бы невзначай поинтересовался Турецкий, но Грязнова вопрос почему-то взбесил:

– Ни на кого он не работает!

– Это вряд ли, – хмыкнул Турецкий. – С чего это вдруг заместителю министра МВД пришло в голову лично заняться каким-то там Резервным банком? Они ему кредит не дали на постройку дачи или проценты по срочному вкладу не выплатили?

– Ну, возможно, – нехотя уступил Грязнов, – без Сосновского и здесь не обошлось...

– Вот, а говоришь, ни на кого не работает. Слава, это большая и не наша война. Сосновский грызется с Оласаевыми, у него связей больше, он их топит, они огрызаются. Тогда он пытается топить Замятина... А может, все и не так, но разве в этом дело?!

– А в чем?

– В данном конкретном случае с порнухой Замятин – жертва, и он имеет право...

– Замечательно! – Грязнов надулся и уставился в окно. – Беги защищай своего бедного, несчастного, незащитного, обнажившегося и облажавшегося шефа...

– Иди на фиг, Слава. Ты сегодня невменяем.

– Сам иди на фиг! – рявкнул Грязнов.

– Ну и пожалуйста. – Турецкий вышел, не стесняясь грохнув дверью.

Бред какой-то! Взрослый мужик, а завелся как вздорная баба. А про Лидочку в результате так и не поговорили. Ну и фиг с ним, сами как-нибудь разберемся.

Инара. 1971

Как все— таки глупо устроена жизнь...

Казалось бы, все есть: и красота, и талант, и деньги, и квартира, только счастья почему-то нет. Не в этом же суслике счастье?

Инара натянула одеяло до подбородка. Холодно. Не май месяц, как любят говорить на Урале. Не май — июнь, а все равно холодно.

Потревоженный Володя заворочался, что-то пробормотал и снова засопел, свернувшись калачиком.

Неужели вот это и есть судьба? Выйти замуж за такого вот комсомольца, спортсмена, активиста и, наверное, хорошего в общем деятеля, нарожать ему детей, штопать носки, жарить котлеты, пережевывать сплетни по телефону с такими же женами таких же в общем хороших и правильных мужей... Съездить раз в жизни в Болгарию на Золотые пески, а годам к пятидесяти растолстеть и дорасти до третьей леди области.

— Уф! — Володя сел, растирая лицо ладонями. — Который час?

— Пять.

— Утра или вечера?

— Вечера.

— Ну я еще три минуточки посплю... — И упал, засопел.

И так каждый раз. До того ему нужно выпить «для настроения», а на самом деле для храбрости, после — поспать, для восстановления сил. Одни и те же «солнышко», «лапочка», надрывные вздохи в самое ухо и скоропостижный финал.

И почему он? Пай-мальчик, тихоня, отличник и маменькин сынок, почему не Сергей, не Мурад? Тоже судьба? Фортуна? «Не боится повернуться задом, потому что подлостей не ждет». Это Сергей написал, все еще строчит стихи и в своей школе милиции первый и признанный поэт. «Нам везенья от нее не надо. Мы большой выносливый народ».

Народу, может быть, и не надо, а вот людям без него плохо.

Не появился принц, о котором мечталось в шестнадцать. Ни на белом коне, ни на белом «мерседесе» не приехал.

Все по— прежнему. Ничего за четыре года не изменилось, та же влюбленная троица: Володя, Сережа, Мурад, только замуж до сих пор лишь Сергей зовет.

А за Мурада, пожалуй, пошла бы. Рисковый стал Мурад, наглый, наверное, тем и интересен. Отец его по мелочам ворует, сидит на своем складе готовой продукции и тащит оттуда матценности. То ящик, то вагон. Посадят его рано или поздно. И Мурад выучится, займет заботливо приготовленное папой место и тоже станет воровать, и его тоже посадят. Но скорее поздно, чем рано, потому что он умный и наглый, а за наглость у нас уважают.

Бред, казалось бы, чушь полнейшая. Жизнь с вором, нет, даже не с вором — с расхитителем, но зато жизнь. Риск, страх, хоть какие-то чувства, эмоции, страсти. А с этим вот сусликом натуральное болото. Тягучее, зыбкое, бескрайнее болото.

Можно, конечно, бросить все, к чертовой матери, взять бритву, влезть в ванну... нет, скучно. Выйти из окна, а лучше с крыши, а еще лучше из самолета, чтобы хватило времени насладиться ощущениями.

— Вставай. — Инара потрясла Володю за плечо. — Скоро мама с работы придет, а сыночка дома нетути...

Он вскочил, поприседал, энергично размахивая руками, открыл наконец глаза:

— Какая мама? У меня на шесть собрание актива, — взялся натягивать разбросанную по всей комнате одежду, — черт, рубашка помялась, погладить бы?

– А ты надевай и побегай вокруг кровати, она от пота намокнет и распрямится, а потом польешь одеколоном...

Надел. Правда, бегать не стал. Застегнул пиджак на все пуговицы, повязал галстук – незаметно почти.

– Поесть ничего нет?

– Бананы в холодильнике.

– Не хочу бананов, как ты можешь питаться одними бананами?

– Люблю я их очень. – Она сладко потянулась под одеялом, раздумывая, принять душ сейчас или поваляться еще немного. Спешить некуда – отец опять в командировке, Сергей обещал зайти в восемь, можно и поваляться. – Активу от меня пламенный привет.

– Все шутишь? – Володя придирчиво поправил пробор перед зеркалом, полюбовался собой, понравился себе. – Кстати, у нас на факультете актовый зал ремонтировать собираются, ищут художника, нужно панно нарисовать во всю стену. Хочешь, я тебя порекомендую, нормально зарабатываешь. Изобразишь домны там, новостройки, пару ракет или ракету и спутник, книжек побольше, пшеницу можно, красиво будет. Ну и людей – человека четыре с хорошими такими лицами, ты же умеешь...

– Какое, скажи, отношение имеет ваша юриспруденция к домнам и спутникам?

– Но красиво же, а потом кто из нас художник, придумай что-нибудь другое: звезды, зверей, грибы-ягоды. Берешься или нет? С деканом разговаривать?

– Нет, Вова, не хочу...

– Я же просил, никогда не называй меня Вовой! – Обиделся, порозовел, кулаки сами собой сжались, лицо – чисто партизан на допросе. – Володя, Владимир, Замятин, наконец. Зови меня по фамилии, если...

– Я тоже неоднократно просила не приставать ко мне с дурацкими идеями о работе, учебе и прочих общественно-полезных занятиях.

– Но ты же неправильно живешь! – Все, началась дискуссия, хлебом не корми – дай подискутировать. Идею в массы! От каждого по способностям, каждому по труду! Все, как один, должны проникнуться и осознать. – Нельзя питаться только бананами и целыми днями валяться на диване, изредка пописывая картины, которые скорее похожи на иконы. Хочешь в диссиденты? Может, уйдешь в монастырь? Из училища тебя поперли, скажи спасибо, что из комсомола не исключили...

– Спасибо! От всего сердца! Низкий поклон вам, товарищи комсомольцы, что не изгнали из своих сплоченных рядов, не кинули на произвол судьбы, что бы я без вас делала?!

– Инара, я же о тебе беспокоюсь. Ты нарываешься на крупные неприятности, тебе нужно подумать и в корне изменить свою жизнь...

– Пошел вон.

Да, из художественного училища поперли, портреты не понравились, навевают, видите ли, упадническое настроение и способствуют культивированию чуждой нам религиозной идеологии. Да, Конституция СССР гарантирует право на труд, а кто этим правом не пользуется – тунеядец. Если ты не инвалид, должен или учиться или работать.

Должен – ради бога. Отец устроил медсестрой в районную поликлинику. По идее, нужно было бы отсиживать по восемь часов каждый день в регистратуре, глядя на калек и ипохондриков, и рано или поздно или научиться получать некое моральное удовлетворение от всего этого глубоко общественно-полезного труда, или просто свихнуться. Но, слава богу, охотников на жалкие восемьдесят рублей нашлось предостаточно, и на работе можно было только числиться, а трудился и получал деньги кто-то другой.

Казалось бы, все довольны, все счастливы, все законы соблюдаются, все правила выполняются. Но появляется не в меру идейный Вовочка и заявляет, что так жить нельзя, а надо жить не так. На каком, спрашивается, основании?!

– Солнышко, сейчас я опаздываю на актив, но я забегу завтра, и мы спокойно поговорим, я уверен...

– До или после?

– Что?

– Или прямо в процессе? Хочешь, я тебе презерватив выкрашу в красный-пролетарский, а то все слова, слова... Глубже надо заталкивать идеологию.

– Зачем ты так?!

– Не приходи. Ни завтра, ни послезавтра. Найди себе ударницу-многостаночницу, она тебя лучше поймет.

Выскочил, хлопнул дверью, протарахтел по ступенькам. Вот и замечательно, даже на душе повеселело.

Зазвонил телефон.

– Инара? Это Сергей. Может, прямо сейчас встретимся? Я... меня на патрулирование ночью поставили. В восемь, значит, не получится, то есть можно, но слишком быстро, и вообще...

– Давай на завтра перенесем.

– Не надо на завтра, – взмолился Сергей, – у меня для тебя сюрприз есть. В общем, стрельнуть хочешь?

– Что сделать?

– Из пистолета стрельнуть. Мне пистолет выдали, ну и я подумал, может, ты... тебе...

– Конечно, хочу. Где встречаемся?

– Под Варежкой, в полседьмого, там как раз электричка, в городе же нельзя, надо...

– Жди.

«Под Варежкой» – это у железнодорожного вокзала. Там на площади скульптурная композиция: обобщенный ветеран труда в каменном фартуке посылает известно куда обобщенного юношу в каменном танкистском шлеме, а направление движения указывает мускулистой рукой в огромной каменной рукавице.

Сергей топтался под рукавицей в форме, с сумкой.

– Патроны? – поинтересовалась Инара, похлопав по сумке, в которой что-то звякнуло.

– Мишени.

Электричкой добрались до маленького полустанка с гордым названием «42-й километр». Зашли в лес, отыскивали поляну побольше.

Сергей расставил на камне жестяные банки, отсчитал десять шагов, осторожно вынул из кобуры пистолет.

– Снимаем с предохранителя, – щелкнул собачкой, – целимся, – поднял руку, зажмурив один глаз, – пли!

Эхо шарахнулось между деревьями, спугнув пару соек. Крайняя банка, подпрыгнув, упала в траву.

– Теперь твоя очередь.

Пистолет оказался тяжелым и теплым.

– Огонь!

Сойки, собиравшиеся было вернуться, улетели теперь навсегда. Но все мишени остались на месте. В последний момент рука дернулась, и ствол задрался в небо.

– Смотри, смотри, ты дырку в облаке прострелила! – завопил Сергей.

– Вижу. – Инара выстрелила еще раз, потом еще раз, уже двумя руками держа пистолет, но банки, как приклеенные, не сдвинулись ни на миллиметр.

– Давай вместе, – Сергей обнял ее сзади, – опусти руку, расслабься, теперь поднимаем медленно, – он положил свою руку на ее, прижался к ее щеке, – мушку плавно подводим под дно банки, теперь нежно, но смело ждем на спуск. Ба-бах.

Пистолет, повторив Сережин «ба-бах», послушно выстрелил, и банка также послушно взлетела в воздух.

– Ура?

– Ура.

– Теперь сама попробуешь? – Сергей нехотя отпустил ее руку, отошел.

– Нет, давай еще вместе.

Засиял от удовольствия, вернулся, прижался плотнее.

Стреляли, пока не кончились патроны. У Инары без страховки так ничего и не получилось, в камень еще удавалось попасть, а в банку – никак.

– Может, завтра еще попробуем?

– А ты завтра разве не с Вовиком?

– Я вообще больше не с Вовиком.

Сергей удивился и обрадовался одновременно:

– Поссорились?

– Разошлись, как в море корабли.

Он даже вспотел от волнения и начал заикаться:

– Тогда, может, мне это... можно...

– Можно.

– А прямо сейчас?

– Прямо сейчас ты на патрулирование опаздываешь.

– Тогда я завтра... Ты же не шутишь? Все серьезно?

– Абсолютно.

– А может, заявление подадим, пока ты не передумала?

– Не будем торопиться, ладно?

– Молчу.

– А Замятину скажи, что, если он ко мне еще раз приблизится, ты ему голову отстрелишь.

Турецкий. 6 апреля. 10.00

На столе лежала записка: «Смотри новости. Эксперты работают в две смены, обещали закончить сегодня. Не тяни резину! Костя». Турецкий набрал Меркулова, но он не отвечал, секретарша в приемной – тоже. Бред какой-то, они что, решили в подполье уйти?

Он позвонил экспертам. На этот раз экспертиза была поручена НИИ криминалистики ФСБ.

– Есть приказ по телефону никаких переговоров не вести, – ответил ему незнакомый голос.

– Кто отдал приказ?! Вы что, не поняли?! – возмутился Турецкий. – Я Турецкий Александр Борисович. Это я веду следствие...

– Вам перезвонят. – На том конце повесили трубку.

Он подождал минуту, две, три. Телефон молчал.

– Что-то новенькое! – возмутился Турецкий вслух. – Заговор молчания!

В новостях показали тридцатисекундное интервью с Замятиным. Кто-то из особо заядлых телевизионщиков сумел-таки проникнуть в «Архангельское» и поймал отстраненного генпрокурора в дверях бильярдной. Корреспондент успел задать только один вопрос:

– Владимир Степанович, это вы засняты на известной пленке или просто человек похожий на вас?

– Следствие разберется! – гордо ответил Замятин.

После чего на оператора разъяренным коршуном налетел зазевавшийся на мгновение охранник, и камера резко ушла в небо.

Еще секунд пять показывали беспорядочное мелькание, сопровождающееся невнятными выкриками. Интересно, подумал Турецкий, почему они не вырезали последние кадры? Чтобы продемонстрировать собственный героизм или чтобы сюжет продлить?

Звонить экспертам он больше не стал, отправился лично. Чтобы пройти, пришлось предъявлять служебное удостоверение верзиле в бронежилете, в странном даже для спецназа облачении, черных очках и с короткоствольным автоматом. Пока верзила проверял каждую букву и ходил куда-то звонить, другой такой же держал Турецкого на мушке. Еще двое спецназовцев дежурили непосредственно в комнате, где работали эксперты.

– Ну что? – преувеличенно громко осведомился Турецкий. – Люди на его появление никак не реагировали.

– Заканчиваем уже, – после долгой паузы отозвался незнакомый Турецкому руководителю отдела НИИ криминалистики. – Окончательный результат будет часа через полтора. Если хотите – посмотрите черновик отчета. Он кивнул на свободный компьютер в противоположном углу длинного стола и запустил дискету, как шайбу.

"Изображение отснято портативной камерой, имеющей угол обзора порядка 140 градусов (вероятнее всего – 132,68 градуса), что позволяет точно указать единственно возможную для такой съемки ширину апертуры – 9,857 мм.

На стыках третьего, восьмого и десятого планов наблюдается микширование с захлестом в один, два и один кадр, соответственно. Видеоряд записан единым массивом, либо смонтирован линейным способом.

Материал представлен на видеокассете «Konica super SR E180» в формате VHS. Учитывая характерный данному типу пленки диапазон видеошумов (см. таблицу) и также предполагая, что исследуемый видеоряд является не более чем второй копией оригинала, представляется возможным заключить следующее:

1. Задний план, а также все остальные объекты окружения отсняты совместно с действующими лицами.

2. Вероятность искусственного вкрапления фона существует. Однако следует учесть активные движения персонажей и отсутствие характерной пикселизации контуров объектов, что позволяет исключить съемку в рир-проекции.

3. Оставшийся способ наложения возможно искусственного фона на первоначальный оригинал требует условий профессиональной студии и, безусловно, включает такие погрешности в исполнении, как нарушение фоновой тени контура объекта, дисбаланс температур цветов и т. д.

4. Применение фильтров, аналогичных размытию по Гауссу, может скрыть вышеописанные недостатки, однако способно ухудшить качество основного изображения. Скорее всего, к данному видеоряду подобные фильтры не применялись.

5. Более точные выводы возможны при наличии оригинала".

– Понятно в целом, а теперь я бы хотел услышать комментарий и по-русски, если можно, – сказал Турецкий, не обращаясь ни к кому конкретно.

Группа экспертов была явно составной, помимо сотрудников НИИ ФСБ, в нее были включены другие эксперты-криминалисты. Но за время совместной работы общего языка они не нашли, поэтому каждый держался особняком, да еще эти двухметровые мальчишки с автоматами усугубляли и без того нервную обстановку. А руководитель отдела НИИ, который, по идее, должен был давать пояснения Турецкому, по причине своей ведомственной принадлежности, кажется, имел глубоко в виду сотрудников Генпрокуратуры и вообще всех собравшихся, что в открытую и демонстрировал.

В конце концов, один из более или менее знакомых Турецкому эксперт из Минюста оторвался от стула и обратился к руководителю группы:

– Позвольте мне, если нет возражений. Моя часть уже готова. – Не дождавшись ответа, он повернулся к Турецкому: – Давайте выйдем в коридор, покурим.

– Значит, пленка подлинная, но это не оригинал, – сказал Турецкий, – я правильно понял?

– Да, – эксперт жадно затянулся, – представляете, с пяти часов не курил! В помещении запрещено, а выйти некогда было.

– Если это копия, то в какой мере можно быть уверенным, что оригинал не скомпилирован каким-то образом из фрагментов или не нарисован от начала до конца на компьютере?

– От начала до конца на компьютере?! – Эксперт усмехнулся. – Вы, как я гляжу, любитель современной русской литературы.

– Это что, принципиально невозможно? – Турецкий начал понемногу злиться. – Речь же идет не о проделках шаловливых школьников!

– Нет, конечно, не школьников. Но компьютерная графика здесь ни при чем, это мы установили совершенно определенно. Я сам, правда, специалист немного в другой области. В общем, не вдаваясь в подробности – слишком сложный фон. Компьютеру пришлось бы наряду с главными действующими лицами отрисовывать еще и каждую пальму с каждым листиком, все это на сквозняке, все колыхается, отбрасывает сложные тени, поскольку источников света несколько. Недельку нужно обсчитывать на самом современном компьютере, и это только чтобы на глаз ничего не было заметно! А нарисовать так, чтобы аппаратное исследование обмануть, – исключено абсолютно.

– Хорошо, – кивнул Турецкий, – не совсем понятно, но убедительно. А как быть, например, с наложением фигур на фон?

– Наложение мы уже с вами отбросили – это все из области компьютерной графики. Те же проблемы: несовпадение с фоном по освещенности, затенению и так далее, при специальном исследовании сразу бросается в глаза. Даже если сделано самым тщательным образом – все равно имеются расчетные методики, они сразу выявляют подделку.

– Ну существуют же и другие виды монтажа, – упрямо продолжал настаивать Турецкий.

– Давайте так: если хотите знать все подробности, дождитесь официального заключения. А если просто, не залезая в дебри, как вы просили, тогда результаты можно свести к двум-трем фразам: представленная пленка является высококачественной, вероятнее всего первой копией оригинала. Оригинал был записан подряд без применения монтажа. Запись производилась стационарной миниатюрной широкоугольной камерой, установленной на высоте два с половиной метра и охватывающей помещение практически целиком. Такие камеры, как правило, не содержат записывающего устройства, они передают радиосигнал на небольшое расстояние, а он в свою очередь принимается стационарным приемником, снабженным необходимым оборудованием. То есть хозяин оранжереи мог и не знать, что его гостей снимают на видео. А мог и знать, это уже вам разбираться. Вот, собственно, все.

– А личность главного героя вы установили? Это Замятин?

– Тут уж я пас! – Эксперт вскинул руки вверх, стряхнув на Турецкого пепел с сигареты. – Простите!

– Как это вы пас?! – взвился Турецкий. – Вы что, этого не выясняли?!

– Почему не выясняли? Выясняли. Но его лицо крупным планом ни разу в кадр не попало. Так что достоверно ничего сказать нельзя. Может, у Замятина есть шрам от ягодицы до ягодицы, который, к счастью, невозможно скрыть? Тогда на пленке точно не он.

– Не знаю! – Турецкий не удержался и сорвался на крик: – Я ему задницу не разглядывал!

– Последний анекдот хотите? – спросил эксперт спокойно, не реагируя на крик Турецкого. – Сегодня в Кремле состоялась встреча человека, похожего на президента, с человеком, похожим на премьера.

– Не смешно. Где и когда производилась съемка, конечно, не установлено?!

– В стеклянной оранжерее в ночное время. Это, по-моему, и без экспертизы было ясно.

На телефонные переговоры с государственной службой охраны у Турецкого ушло более двух часов. Зная по опыту, что без предварительной договоренности на самом высшем уровне и без дюжины бумаг за подписью генпрокурора в конторы такого ранга лучше не соваться – для сбережения нервов, он никуда и не пошел. Окопался в собственном кабинете и методично долбил противника телефонными звонками: кто охранял генпрокурора Замятина? Вы не можете дать мне необходимую информацию? А кто может? И на этот вопрос у вас нет полномочий отвечать? А кто может их вам предоставить? И так далее до бесконечности. Периодически, когда ему надоедали пустые препирательства, он названивал Меркулову, но тщетно – Меркулова на месте не было, не было и вновь назначенного и. о. генпрокурора. Последний сегодня вообще до своего рабочего места пока не добрался, и в приемной ничего вразумительного Турецкому объяснить не смогли, а секретарша Меркулова, по-видимому, взяла отгул или больничный.

Отчаявшись добиться чего-нибудь путного от государственной службы охраны и не дождавшись давно обещанного акта экспертизы, хотя последний нужен был только для соблюдения формальностей – с экспертизой и так уже все ясно, – Турецкий отправился в буфет. Не столько перекусить, сколько послушать сплетни.

Говорили о Замятине. Все. поголовно. Турецкого начала разбирать злоба. Идиотизм же, на самом деле! Форменный! Вся страна только об этом и судачит, все жаждут подробностей, а следствие стоит. Потому что большое начальство неизвестно где черти носят. Всего-то от них требуется – бумажку подписать!

Так и не купив ничего съедобного, он вернулся к себе. Телефон на столе разрывался.

– Я тебя ищу. – Это был Меркулов.

- Взаимно! Ты у себя?
- Да. Сейчас я должен...
- Нет уж! – оборвал его Турецкий. – Считай, что ты меня срочно вызвал, я уже иду. – Не дав Меркулову возразить, он повесил трубку и быстро вышел из кабинета.
- Что у тебя, излагай, только быстро, – сказал Меркулов, – через десять минут мне ехать в Кремль.
- Докладывать об успехах?
- Нет, на заседание комиссии по Замятину.
- Уже успели создать?! – Лицо Турецкого вытянулось в изумлении. – Оперативно, ничего не скажешь! И чем она будет заниматься?
- Вот как раз и еду это обсуждать. А все утро решали: стоит комиссию создавать или не стоит. Что у тебя?
- Ничего! Мне нужны люди, которые охраняли, или до сих пор охраняют Замятина. И еще бумага, лучше много бумаг, с подписью нового и. о. генерального и печатью, чтобы тыкать всем в нос. И двое помощников, которые и будут тыкать всем в нос эти бумаги, бегать по городу и разговаривать с людьми.
- Все? – то ли серьезно, то ли с сарказмом поинтересовался Меркулов.
- Пока это обеспечить! – немедленно огрызнулся Турецкий. – Надо будет – потребую еще, когда это я ради дела скромничал?
- Телохранителей Замятина я тебе постараюсь раздобыть сегодня же вечером, в крайнем случае, – завтра утром, а про оперов из МУРа, которых необходимо включить в твою группу, мог бы, кстати, договориться с Грязновым, не дожидаясь меня. Постановление о создании следственной группы оформлю завтра задним числом. Теперь все?
- Не все. Я его ненавижу. – Меркулов непонимающе посмотрел на Турецкого поверх очков. – Грязнова ненавижу, – пояснил Турецкий.
- Меркулов хотел спросить еще что-то, но, взглянув на часы, молча снял трубку:
- Слава? Меркулов. Обеспечь, пожалуйста, нашему уважаемому Александру Борисовичу двух человек для рассмотрения дела особой государственной важности.
- Какие человеки нужны, отмазывать или расследовать?
- Ехидные интонации в голосе Грязнова Турецкий прекрасно расслышал за пять шагов от телефона и сделал Меркулову знак: ну, что я говорил!
- Один такой, один такой, – ответил Меркулов.

Турецкий. 6 апреля. 16.00

Два человека от Грязнова прибыли буквально через пятнадцать минут после телефонного разговора с Меркуловым. Выделяется Славка, подумал Турецкий, вот противная морда! Интересно, что за личностей он мне подослал?

– Старший оперуполномоченный МУРа Ильин Владимир Александрович, – представился первый, остановившись посреди кабинета, вытянув руки по швам и поедая Турецкого глазами.

Неужели Грязнов их как-то особо проинструктировал и наплел про меня черт-те что? Нет, хоть остатки совести должны же были у него сохраниться?! По крайней мере, много он насвистеть не мог, успокоил себя Турецкий, времени не было.

– Позняк Эдуард Генрихович, тоже старший оперуполномоченный и тоже из МУРа. – Этот сел без приглашения и покосился на коллегу.

Турецкий оглядел свою команду. Обоим было в районе тридцати. Вроде нормальные на вид оперы... Зря это я, начал он понемногу раскаиваться, не мог Славка подсунуть полных уродов.

– Садитесь, – кивнул Турецкий Ильину, – вы знакомы?

– Знакомы, – ответил Позняк.

– Что вам Грязнов про меня рассказал?! – неожиданно для самого себя спросил Турецкий.

Ильин опустил глаза и принялся разглядывать шнурки на туфлях.

– Да ничего практически, – опять ответил за обоих Позняк, – мы говорили меньше минуты.

– По-нят-но, – протянул Турецкий с таким видом, как будто ему и вправду было все понятно. – Переходим к делу. Надеюсь, интересное кино про «человека, похожего на» смотрели?

Ильин и Позняк дружно закивали и заулыбались.

– Прекрасно. Нас интересует вся киногруппа: режиссер, оператор, ну и массовка тоже. Массовкой займемся в первую очередь.

– А продюсер? – с вызовом спросил Ильин. – Продюсер нас интересует?

– Повторяю: нас все интересуют, – невозмутимо ответил Турецкий. – Или по поводу продюсера есть оперативные сообщения?

– Оперативных нет.

– Тогда слушайте первое задание: вам, Ильин... С вашего позволения я буду называть вас обоих по именам и на «ты» – для создания в группе обстановки доверия и взаимопонимания. Теперь о деле. Хотя допросами свидетелей и прочей следственной работой полагается заниматься мне, а вам оперативно-розыскной деятельностью, мы на этот раз изменим порядок, а заодно расширим ваши полномочия. В виде исключения. Поэтому тебе, Владимир, я поручаю допросить сотрудников охраны, работавших с Замятиным. Ясно?

– А как я их вызову?! – Ильин развел руками. – Я же им повестку по месту работы не пришлю!

– Это не твоя забота! Они сами к тебе придут! – резко сказал Турецкий и тут же мысленно обругал себя: полегче, полегче надо! – Можешь рассказывать анекдоты, материть высокое начальство, поить водкой – расходы потом возмещу, можешь устраивать провокации. В общем, тебе предоставляется полная свобода. Необходимо выяснить, как часто Замятин развлекался подобным образом, всегда в одной компании или у него их было несколько, с кем и где. Последнее особенно важно, место съемки до сих пор не установлено. Пусть замятинские охранники вспоминают, может, они сами были в той оранжерее, может, подъ-

езжали и видели снаружи или от кого-то что-то слышали? Если есть другие соображения, как найти эту оранжерею, – сразу высказывайтесь.

Ильин с Позняком переглянулись.

– Нужно шалав найти, – предложил Позняк.

– Это отдельное задание, а другие идеи есть?

Идей не было, поэтому Турецкий продолжил:

– Тебе, Владимир, с охранниками все ясно?

– Пока все. Начну работать – тогда посмотрим.

Турецкий вырвал из блокнота два листка и раздал операм:

– Вот мой домашний и служебный телефоны. Если что – звонить в любое время дня и ночи, не стесняться. Теперь девочки. – Он повернулся к Позняку. – Надо понимать, это не первые попавшиеся шлюхи из подворотни. В отличие от «человека, похожего на Замятина», они на пленке получились узнаваемыми. Я попросил экспертов сделать максимально качественные фотографии, у них там компьютерная графическая станция, в общем, техническое обеспечение на высшем уровне. Со снимками проблем быть не должно. Ты, Эдуард...

– Можно просто Эдик, раз все равно по имени, – заметил, ухмыляясь, Позняк.

Славка точно какую-то гадость им сказал, мне назло, окончательно утвердился в своем подозрении Турецкий, вот паразит!

– Ты должен обстоятельно, но быстро прошерстить всех центровых проституток. Учти, они сами, если узнали коллег, будут молчать, как партизанки, больше работай с окружением.

– Да черта с два они их узнали, – впервые подал голос Ильин, – когда их по ящику крутили, каждой же приделали на пол-лица черную полосу, это только вы смотрели пленку без купюр.

– Не смотрел, – признался Турецкий, – только по телевизору вчера. Завтра с утра нужно внимательно посмотреть всем вместе и еще раз поговорить с экспертами. Может, появятся соображения по поводу места съемки. Если вопросов нет, на сегодня все.

Турецкий. 7 апреля. 8.10

В восемь утра Турецкий на служебной «Волге» выехал на охоту за гаишниками. Потому что в семь позвонила Лидочка и сказала, что ей в шесть позвонили «темные личности» и потребовали встречи в девять около сквера напротив бронетанковой академии.

Светиться перед «темными личностями» Турецкий пока не желал, а выяснить, кто они и на кого работают, нужно было оперативно.

Разумеется, закон подлости свирепствовал во-всю – и рыцари жезла, обычно гроздьями висящие на каждом углу, сегодня как повымерли. Конечно, погода не располагала к прогулкам на свежем воздухе – шел дождь со снегом и ветер опять же не стеснялся, – но долг перед отечеством должен же был хотя бы одного сподобить выйти на дежурство.

В 8.55, уже отчаявшись найти себе помощь в лице блюстителей порядка, Турецкий решил, что придется симулировать ДТП и косить под идиота, в конце концов машина служебная, как-нибудь родная контора оплатит мелкий ремонт. Но, подрулив к месту встречи, увидел мирно приткнувшуюся к тротуару гаишную «девятку» с одиноким скучающим старшиной за рулем.

В 8.58, когда из-за поворота показался Лидочкин «форд», старшина, придирчиво ознакомившись с корочкой Турецкого, выслушивал конфиденциальную просьбу:

– Нужны фамилии, причем не только водителя, но и пассажира, на кого зарегистрирована машина, если на фирму, то на какую, только по возможности так, чтобы все выглядело как обычная проверка.

– В случае сопротивления оружие применять? – поинтересовался старшина.

– Если проверка не вызовет у них подозрения, сопротивления не будет.

К «форду» причалил зеленый «опель», и широкоплечий детина с козлиной бородкой и стянутыми резинкой длинными рыжеватыми волосами пересел в «форд». Сквозь стекло можно было различить, как детина бурно жестикулирует, держа пальцы веером, а Лидочка молча кивает в ответ. Водитель, спутник бородатого, остался в машине.

– Давай, – попросил Турецкий.

Старшина подрулил к «опелю» «темных личностей», степенно обошел машину и многозначительно постучал жезлом по крыше. На лице у него крупными печатными буквами натурально было написано, что человек хочет кушать, а деньги дома забыл.

– Инспектор службы безопасности дорожного движения старшина Яшкин, предъявите документы на машину и права, пожалуйста.

Мордоворот небрежно сунул ему документы:

– А в чем дело, командир?

– Выйдите из машины, пожалуйста, и откройте капот.

Мордоворот нехотя повиновался, а его коллега в Лидочкиной машине поспешил закончить беседу и попер на гаишника:

– Командир, командир, мы что, скорость превысили, пока стояли?

– Не мешайте работать, товарищ. – Старшина с минуту изучал номер двигателя, после чего сурово попросил открыть багажник.

Лидочка проехала мимо гаишной «девятки», даже не взглянув на Турецкого.

Водитель «опеля», сложив руки на груди, насмешливо наблюдал за манипуляциями старшины с запаской и пустыми канистрами в багажнике, а бородатый приплясывал вокруг гаишника:

– Не выгорит тебе, командир. Чистая машина, и ничего мы не нарушили.

Старшина захлопнул крышку:

– Ваши документы тоже предъявите, пожалуйста.

– Да, пожалуйста! – Бородатый достал и раскрыл красную книжечку. – Еще что-нибудь?

– Можете ехать, – козырнул старшина, возвращая документы водителю.

– А не ехать можно? – заржал бородатый.

– Я бы попросил вас воздержаться от глупых шуток, – осадил его старшина.

– А в чем дело было? – примирительно поинтересовался водитель.

– Зеленый «опель-кадет» 1993 года сегодня ночью угнан как раз в этом районе. – Старшина козырнул еще раз и вернулся в машину. «Темные личности», оживленно беседуя, показили к Танковому проезду.

– Водитель – Тихонов Андрей Николаевич, – доложил старшина Турецкому. – Второй – Свешников Алексей Георгиевич. Этот Свешников показал удостоверение общественного помощника депутата Государственной думы Ильичева. Это который коммунист?

– Точно, – подтвердил Турецкий.

– Машина зарегистрирована на фирму «Стинг». А они у вас по какому делу, если не секрет?

– Да это не они, ошибка вышла. – Турецкий, старательно изображая досаду и разочарование, пожал гаишнику руку. – Спасибо огромное, отрицательный результат – тоже, как говорится, результат.

Прямо из машины Турецкий по справочной выяснил номера телефонов общественной приемной Ильичева. Приятный женский голос в ответ на просьбу пригласить к телефону Тихонова или Свешникова объяснил, что эти товарищи работают по пятницам, но вопросы или пожелания можно высказать прямо сейчас. Пообещав подвезти свои пожелания в письменном виде в течение дня, Турецкий дал отбой.

Значит, скорее всего, корочки у «темных личностей» не липовые. А следовательно, на Лидочку давят коммунисты-ленинцы, которые наверняка состоят в некоторых отношениях с ее фирмой «Данко». Нефтедоллары, разумеется, – лакомый кусочек и либо они собираются от него откусить, либо уже откусили и теперь решили замести следы. Либо собираются затолкать этот кусочек в пасть кому-то из политических конкурентов, а потом на этом как-то сыграть. Непонятно только, почему сам Ильичев, например, не решает эти вопросы с директором «Данко» лично, а роет подкоп изнутри, шантажируя сотрудников.

Вероятность того, что Тихонов и Свешников действуют по собственной инициативе, а не от имени Ильичева, пожалуй, стремится к нулю. Это могло бы быть, если бы не Братишко. Братишко точно на кого-то шестерит. Слишком уж он нагл, чтобы не чувствовать за спиной кого-то большого и значимого. Только на кого он работает? На Вилли Сосновского, что ли?

Турецкий вдруг вспомнил Хмуренко с его анонсом цикла передач о грязных деньгах КПРФ, и ему стало нехорошо. Если «Данко» работает на казну коммунистов, а телевизионщики это раскопали, то будет скандал. И даже если прямо с экрана и не прозвучит: «Дочь заместителя генпрокурора по следствию отмывает грязные деньги компартии», то последствия тем не менее могут быть самыми непредсказуемыми.

Из «Данко» Лидочке надо уходить – это однозначно. Но первым делом необходимо выяснить, что же произошло с ее шефом.

Решив сегодня же поднять дело о пожаре на даче Шестова, Турецкий поехал на работу.

В одиннадцать явились прикомандированные грязновские оперы – Ильин и Позняк. Глядя на их постные физиономии, Турецкий понял, что результаты пока нулевые.

– Кто начнет? – поинтересовался он.

Начал Ильин:

– Насчет госохраны выяснилось, что они водили Замятина только на официальных мероприятиях, то есть их отрабатывать не имеет смысла. У нас же явно неофициальное

мероприятие. А в личных поездках его сопровождали телохранители из частного охранного агентства.

Зазвонил телефон.

– Мы можем сейчас встретиться? – это была Лидочка.

– Давай в час на том же месте, где и утром?

– В час?

– Да, тебе прямо на сегодня ничего не задали?

– Нет.

Турецкий положил трубку.

– Так какого агентства?

– Агентство называется «Макаров», – продолжил Ильин. – У них довольно скромный офис на Лужнецкой, пятнадцать человек оперативников и столько же народу в конторе. Консультанты там всяческие, секретарши, менеджеры. Я был там сегодня. Естественно, сам Макаров – директор этой конторы – со мной вообще разговаривать не стал, а его восемнадцатый заместитель мягко послал меня подальше.

– Он отрицает, что их люди были с Замятиным в той оранжерее?

– Не совсем так. Категорически он ничего не заявлял. Но по его словам, сотрудники агентства после каждого задания пишут рапорт о проделанной работе, в котором описывают свои действия и докладывают о чрезвычайных обстоятельствах, если таковые имелись. Он эти рапорты читает, и если бы хоть в одном из них описывались события, хоть отдаленно напоминающие те, что на пленке, он бы помнил. Вот если бы мы точно сказали ему дату и время, а еще лучше место, а еще лучше доказали, что это именно Замятин, то тогда бы он поднял документы, посмотрел, был ли от Замятина заказ на эту дату, это время, это место. Выяснил, кто работал на этом задании, если, конечно, окажется, что заказ был. И только после этого, может быть, кто-то что-то и вспомнит более конкретное.

– То есть замкнутый круг, – хмыкнул Турецкий. – Нам от них нужно время и место, а им – от нас. А с сотрудниками тамошними поговорить не пробовал?

– Пробовал, конечно. Причем до того, как пошел к их начальству. По делу информации нет. Поболтали на общие темы. Увидел даже пару знакомых лиц – раньше в ОМОНе служили. Замятина они, оказывается, охраняли почти за бесплатно, ради рекламы. А теперь после скандала у них все клиенты разбежались. Естественно, начальство в трансе, они, похоже, собираются самораспуститься.

– С Замятиным что, все пятнадцать оперативников по очереди работали?

– Точной информации нет. Никто не подошел и не сказал: «Я этот человек», все кивали друг на друга и на отсутствующих товарищей. Есть четыре фамилии: Арбузов, Дивеев, Плотников, Эренбург. Эти хоть однажды, но охраняли Замятина. Тогда или не тогда – это еще вопрос. Можно вызвать их повесткой.

– Можно, – без энтузиазма согласился Турецкий, – только если они хотят в этом бизнесе еще поработать, ничего они нам не скажут, пока у нас нет свидетелей, чтобы их припереть. На пленку ни один из них не попал, а участников спектакля мы пока не нашли. Или нашли? – Он повернулся к Позняку.

– Не нашли, – подтвердил тот.

– А Замятин? Он что, не может объяснить, где и когда это все было?! – возмутился Ильин. – Никто же не требует от него репортерам докладывать. Он же заинтересован, чтобы мы нашли шантажистов.

Турецкий жестом остановил молодого коллегу:

– Во-первых, его пока никто не шантажирует. Во всяком случае, мне об этом неизвестно. А во-вторых, Замятин у нас большой знаток конституционного права, и он, разумеется, понимает, что пока не доказано, что на пленке именно он, никаких объяснений он

давать не обязан. А возможно, это и не будет доказано. Тогда он еще подаст в суд за клевету и выиграет ба-а-альшие деньги.

– Даже если это все-таки он? – переспросил Ильин.

– Если это не будет доказано.

– Но можно ведь вызвать его в суд, и пусть под присягой скажет, что это не он.

– В качестве кого его вызвать в суд?

– Лучше бы, конечно, свидетелем по какому-нибудь связанному с этим делу, – размечтался Позняк. – Например, одна из его партнерш бы взяла и подала в суд на телевизионщиков.

– А что у нас с партнершами?

– Пока ничего. – Позняк открыл блокнот на чистой странице, видимо иллюстрируя полную безрезультатность поисков. – Девицы вряд ли с улицы – не ездил же он по Тверской?

– А если ездил?

– Это я тоже проверю, но скорее всего, это какое-нибудь эскортное агентство...

– А их в Москве много, – закончил мысль Турецкий.

– Точно, – кивнул Позняк. – Сотня официально зарегистрированных и вдвое больше полуподпольных.

– И сколько лет тебе понадобится, чтобы все их проверить?

– Года два, я думаю.

– Твои предложения?

– Я просмотрел муровскую картотеку, там наших дам нет.

– Когда успел?

– Ночью.

– Герой, – похвалил Турецкий, поглядывая на часы. Время еще было. Хотелось бы, конечно, поговорить с Лидочкой побыстрее, но нельзя же совсем пустить расследование про любимого шефа по боку.

Позняк, заметив интерес Турецкого к часам, тут же ускорился:

– Еще поговорил со спецами по проституткам, но они их тоже видят впервые. И это нормально, девицы сейчас обновляются со страшной скоростью. Хотя можно раздать фотографии в районные отделения, должен же их кто-то знать. По телевизору их, может, и не узнали, но у нас-то снимки четкие. И еще я в Интернете на одно объявление нарвался. Новая программа «Про это» будет называться «В постели с министром», они там приглашают девушек, которые соответственно имели интимные контакты с большими чиновниками. Как думаете, они нам дадут посмотреть заявки?

– Вот это да! Сомневаюсь, что наши захотят еще раз в телевизор, но насчет заявок можно попробовать устроить. – Турецкий потер виски, стимулируя работу мысли, и вынес свой вердикт: – Значит, так, охрану пока оставим в покое. Временно. Все силы на девочек. Насчет Интернета мысль была хорошая, можно продолжить: наверняка есть сайты этих эскортных агентств с каталогами. И не только эскортных.

– А может, спровоцируем их? – предложил Ильин.

– Как?

– Ну там же, в Интернете, есть конференция брачных объявлений с фотографиями. Дадим фотку одной, напишем чего-нибудь. Не она, так кто-то из ее знакомых нарвется. Кроме электронного адреса можно дать телефон. Вдруг она захочет поскандалить, тут мы ее и вычислим.

– Вперед! – позволил Турецкий. – Только на звонки женихов будешь отвечать сам. Дальше раздать снимки по отделениям нужно. Кроме того, возможно, девицы вообще не местные. Мы ведь не знаем, где снимали. А вдруг это было в том же «Архангельском» или

вообще в Сочи? Тут нужно подумать, а пока давайте проверим столицу. И, пожалуй, придется объявить их в розыск, хотя и не хотелось.

– За что? – спросил Позняк.

– И почему не хотелось? – добавил Ильин.

– «За что», так вопрос не стоит – зачем? Чтобы найти. А найти мы их должны как можно скорее! – Турецкий встал из-за стола, Ильин с Позняком поднялись следом. – Кино про похожего человека посмотрите без меня, появятся соображения – докладывайте.

На встречу Турецкий все-таки опоздал, Лидочка заметно нервничала.

– Выяснили, кто они?

– Пойдем пройдемся, – предложил Турецкий.

Они добрались до ближайшей скамейки, но садиться не стали.

– Твои «темные личности» – подручные депутата Ильичева, знаешь такого?

Лидочка кивнула:

– Коммунист. Кажется лидер какой-то фракции.

– А на фирме у вас он никогда не появлялся?

– Нет. Я, во всяком случае, не знаю. Но с Фурмановым он знаком. На приеме – был какой-то театральный юбилей – я видела, как они мило беседовали. Хотя, конечно, на таких банкетах все друг друга знают.

– Что они сегодня от тебя хотели?

– Просили составить реестр договоров за последние полгода, всех, до каких смогу добраться, а они потом скажут, какие именно их интересуют. Снова говорили о деньгах, о том, что мне придется их вернуть, если сотрудничества у нас не получится, причем и свою часть, и часть Шестова, короче – всего шестьдесят тысяч. Может, осмысленно пойти к Фурманову и рассказать ему все? Пусть сам разбирается с Ильичевым.

– Может быть, но только после того, как мы разберемся с пожаром и пропажей документов.

Хмуренко. 7 апреля. 10.00

Он давил на всю железку и все равно опаздывал.

Хмуренко обещал Ладе Рябец привезти деньги за пленку еще час назад. После этого она уже трижды звонила по мобильному. Ее знакомый нервничал, скорей всего банально испугался, что Лада и Хмуренко решили его кинуть. Впрочем, Лада тоже нервничала.

Телефон опять пронзительно запищал. Опять Лада:

– Александр Сергеевич! Он окончательно рехнулся! Кричит, что пойдет сдаваться Ильичеву, если денег не будет через пять минут!

– Не через пять минут, а через пятнадцать! Он что, с Луны свалился? Думает, я двадцать тысяч в кошельке ношу на мелкие расходы? Или по городу на вертолете передвигаюсь? Через пятнадцать минут.

– Не двадцать тысяч, а двадцать пять, – напомнила Лада, – за то, что он при следующей встрече попытается установить, кто такой Глеб Евгеньевич.

– Я же тебе говорил, что у меня тридцать на всякий случай. – Хмуренко, держа руль одной рукой, отчаянно лавировал, стремясь проскочить на желтый свет, и чуть не протаранил идущий впереди вишневый «жигуленок-копейку», – все, не звони больше.

На проспекте Мира образовалась пробка, и он, чертыхаясь, свернул во двор, следом за вишневым «жигулем», идущий сзади еще один «жигуль» – белый – тоже свернул за ними. Во дворе лужи по колено (а может, по пояс, поди разбери), поэтому приходилось ползти со скоростью старой, хромой черепахи. Хмуренко начал нервничать: может, позвонить Ладе, чтобы успокоила своего придурка? Если он закатил ей истерику из-за часовой задержки с оплатой, пожалуй, он и вправду чокнутый, того и гляди, в самом деле побежит к Ильичеву каяться.

Хмуренко оглянулся назад, машины по проспекту Мира понемногу двигались, может, не стоило сворачивать?

Пассажир на переднем сиденье в белых «Жигулях» чуть не по пояс высунулся в окно и, размахивая руками, что-то закричал, по-видимому пытаясь привлечь внимание Хмуренко. Он притормозил и еще раз оглянулся, неужели колесо проколол?! Нет вроде. Мужик продолжал кричать и размахивать руками. Выглядел он достаточно странно: лет сорок – сорок пять, худой как жердь, небритый, в камуфляже с непонятной эмблемой. Их разделяло метров пятнадцать, и слов его из-за шума двигателя Хмуренко разобрать не мог. Еще один придурок, подумал он, но на всякий случай заглушил мотор и вылез из кабины.

Пассажир «Жигулей» открыл дверцу, схватил камень и запустил в Хмуренко, он едва успел увернуться. Следующий булыжник тут же с хрустом угодил в заднее стекло. Водитель «копейки» выскочил из машины следом за пассажиром, он был грузный и немолодой, в таком же камуфляже, с монтировкой в руках.

Придурки, подумал Хмуренко. Он прыгнул за руль, судорожно повернул ключ зажигания и дал полный газ. Его «вольво» рванул с места, как раненый тигр, но тут случилось непредвиденное: идущий впереди вишневый «жигуль» угодил правым передним колесом в яму, скрытую водой, осел набок и остановился. Хмуренко, продолжая давить на газ, резко крутанул руль влево, но машина не послушалась, «вольво» понесло юзом по глубокой жирной грязи прямо на «жигуль».

Удара он не почувствовал: сработала пневматическая подушка безопасности, но лязг и скрежет стоял такой, что уши заложило напрочь, как при контузии. Двигатель заглох. Он кое-как освободился от подушки. Первым, что он увидел, были двое мужиков в камуфляже, вознамерившиеся крушить лобовое стекло. Один по-прежнему сжимал в руках монтировку,

другой, тот, что швырялся булыжниками, вооружился теперь метровым обрезком водопроводной трубы.

Стекло выдержало пять ударов, после чего безвольно прогнулось внутрь кабины. Нападающие, изрыгая нечленораздельные проклятия, приложились еще несколько раз изо всех сил, и стекло провалилось внутрь целиком, прямо Хмуренко на колени.

Водитель с монтировкой, на удивление легко для такой туши – добрых сто двадцать килограммов, – запрыгнул на искореженный после столкновения капот «вольво», оставив на металле еще одну крупную вмятину.

– Ну что, ублюдок, – заорал он, просунув голову в кабину, – как тебе раскол в компартии?! – Войдя в раж, он подпрыгнул несколько раз, колотя монтировкой по крыше и издавая страшный грохот, а затем, изловчившись, ударил вжавшегося в сиденье Хмуренко по лицу.

От удара опять заложило уши и потемнело в глазах.

– Это тебе, ублюдок, пока цветочки! – продолжал бесноваться толстяк, но Хмуренко слышал его с трудом, – будут еще и ягодки! Ты понял, урод?! Поменьше мели своим дерьмовым языком!

Он на прощание еще раз саданул по крыше и спрыгнул на землю.

Хмуренко пришел в себя оттого, что кто-то тряс его за плечо. В глазах по-прежнему было темно. Первым делом он нашарил бардачок и сунул руку внутрь. Деньги вроде целы. Он осторожно покрутил головой и поморгал. Вроде все нормально, а не видно ничего потому, что кровь из разбитого лба затекает в глаза. Хмуренко вытер лицо платком, а другим зажал рану.

Попробовал завестись, ничего не получилось.

– Глухо! Я смотрел. Придется технику вызывать. – Через разбитое лобовое стекло на него смотрел старичок, видимо водитель вишневых «Жигулей». – Вам нужна помощь? Кажется, Александр Сергеевич?

– Да, Александр Сергеевич. Спасибо, помощь не нужна.

– А я, между прочим, Александр Сергеевич, член партии с одна тысяча девятьсот сорок третьего года! – Старик потряс жилистым кулаком. – И между прочим, вы разбили мою машину. Я иду вызывать милицию!

Хмуренко посмотрел на часы. Без сознания он был не больше минуты.

– Потом милицию! На сколько тысяч, по-вашему, я вас протаранил?

Старик зашевелил губами, подсчитывая убытки.

– На две. Долларов, – уточнил он.

– Какие доллары? – усмехнулся Хмуренко. – Вы же партиец с полувековым стажем!

– С вами научись.

– Так, а сколько стоило это средство передвижения полчаса назад?

– Столько же: две тысячи.

Хмуренко недоверчиво посмотрел на древний, проржавевший местами кузов «копейки», но препираться не стал.

– Покупаю! – Он выгреб деньги из бардачка за пазуху и отсчитал две тысячи обалдевшему старику. – А теперь поехали в Останкино, побыстрее!

Турецкий. 7 апреля. 15.00

Турецкий уже в десятый, наверное, раз сверялся со схемой, нарисованной Лидочкой, – как найти дачу Шестова. Лидочка старалась, минут пять вычерчивала и подписывала все маломальские ориентиры на местности, и все без толку: туман. Съезд с Рижского шоссе на проселок он еще кое-как нашел, и то не без приключений. Сзади шла бежевая «пятерка», за рулем пацан лет двадцати, зазевался и чуть не долбанул служебную «Волгу» Турецкого в зад. «Там одна нормальная грунтовка, местами асфальтированная, остальные дороги – сплошные колдобины, не ошибетесь». Как же тут не ошибиться! Дождь, туман, полевые работы, на «нормальную грунтовку» трактора натащили столько грязи, что отличить ее от остальных проселков стало невозможно.

Он несколько раз сворачивал не туда, возвращался, увязал, скреб днищем о щебенку и за всю дорогу не встретил ни единого человека, как будто вымер целый район.

И все–таки ему повезло в итоге: добравшись до Веледникова и отыскав по плану центр села, он увидел участкового. Участковый загрузил в служебный «уазик» какую-то арматуру и, похоже, собирался отбыть далеко и надолго, опоздай Турецкий хоть на минуту, – считай, съездил зря.

– Генеральная прокуратура, – произнес он солидно и с достоинством, демонстрируя участковому удостоверение, – следователь по особо важным делам Турецкий Александр Борисович.

Участковый был пенсионного возраста, человек старой закалки, но при словах «Генеральная прокуратура» не смог скрыть улыбки. От расспросов на тему «ну, как там поживает наш генеральный», правда, воздержался.

– Семенов, – представился он, козырнув, – Петр Семенович.

– Я по поводу пожара.

– А-а, там, где дачник сгорел. Езжайте следом, покажу.

Ехать пришлось минуты две. «Уазик» остановился возле металлических ворот. Они были заперты на всякий замок изнутри. Участок, небольшой, примерно четыре сотки, со стороны дороги был огорожен кирпичным забором, остальная часть периметра обнесена провололочной сеткой. Турецкий подергал калитку – тоже заперта.

Петр Семенович вышел из машины и стал рядом с Турецким.

– Загорелось ночью, примерно часов в одиннадцать или в половине двенадцатого. Видите выгоревшую раму? Это столовая. Есть еще маленькая комната и деревянная пристройка с той стороны дома – веранда. Вот эта веранда и сгорела, ну и столовая тоже. Там камин был. Он, Шестов то есть, с вечера подбросил дров и лег спать. Искра, видать, попала на ковер, и пошло-поехало. Собственно, в зале, где он спал, огня большого не было, он в дыму задохнулся, бедолага. – Семенов глубоко вздохнул, снял фуражку и вытер платком несуществующий пот на лысине.

– А кто огонь увидел, соседи?

– Да нет, не было никого из соседей, видите же, кругом дачи, а еще не сезон. Наши местные двое гуляли допоздна – женихались, вот они и заметили. Он полез в окно, она побежала за подмогой. Но уже поздно было, Шестов полчаса уж как задохнулся, – Семенов опять слегка подрагивающей рукой снял фуражку и протер сухую лысину, – я прибежал, а Емельянов, тот, что первым заметил и в окно полез, уже открыл дверь изнутри и вытащил его во двор. Я пощупал – не дышит.

– А почему вы думаете, что Шестов именно полчаса был мертв, а не десять минут и не час?

Участковый недоверчиво посмотрел на Турецкого, помолчал и, наконец, выдохнул:

– Шурин мой вел дело, Серега. Он следователь в райпрокуратуре. А живет здесь, в Веледникове.

Вот и замечательно, подумал Турецкий, все устроилось само собой. Не нужно подписывать никаких сомнительных бумажек, выяснять подробности через знакомых, не нужно делать полуофициальных телодвижений. А они на самом деле чреватые: или пронюхает какая-нибудь сволочь, работающая на Ильичева, а может, на кого-то другого, кто стоит за этим делом, или Меркулов заинтересуется, чем занимается «важняк» Турецкий, пока судьбоносное для всей России расследование топчется на месте.

Семенов проводил «важняка» к дому своего шурина, представил и собрался откланяться, но Турецкий уговорил его остаться – участковый, похоже, проникся к нему доверием, и это следовало по возможности использовать.

– А, собственно, рассказывать нечего, – пожал плечами районный следователь, – дело почти не расследовалось. Я вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия события преступления. Или состава преступления. – Он посмотрел на Турецкого, потом на Семенова и добавил: – Вот и все, собственно. В полном соответствии с процессуальной формой.

Повисла пауза.

– Я, конечно, все понимаю, – первым прервал ее Турецкий, – вы меня впервые в жизни видите и, что я, простите, за хрен с бугра, не имеете понятия. Но все-таки как-никак следователь по особо важным делам, наверное, не полный идиот, вы как считаете? Зачем вы меня сюда пригласили, Петр Семенович? Просто для того, чтобы познакомить со своим родственником, который мне коллега?

Следователь опять посмотрел на участкового, а участковый на следователя, снова все замолчали.

– Хорошо, не хотите говорить – не надо, я уйду. – Сказав это, Турецкий тем не менее остался сидеть. – Если вы настаиваете, чтобы я действовал исключительно официально, ну что ж...

– Да ладно тебе, Серега! – не выдержал Петр Семенович. – Ты же сам сто раз говорил, что районный прокурор – мудака. И не ты один, все это знают: вон уже до Москвы докатилось. Чего ты теперь его выгораживаешь?

– Ну приказал он мне вынести это постановление, – нехотя согласился следователь, – там не все чисто было. Пожар начался в столовой, где Шестов спал. Она отделена от веранды фанерной перегородкой. Перегородка сразу загорелась и от жара лопнула, поэтому огонь перекинулся на веранду, а столовая пострадала мало. И то в основном после того, как Емельянов... Вам Петр Семенович сказал, как пожар обнаружили?

– Да, – кивнул Турецкий, – про Емельянова я уже в курсе.

– Так вот, столовая выгорела большей частью после того, как он разбил окно – огонь сквозняком потянуло. Вскрытие провели сразу: у нас в морге в райбольнице холодильник сломался, поэтому провели судмедэкспертизу и отправили тело в Москву. Серьезных ожогов у Шестова не было, а угарного газа в крови – страшное дело. Хотя горела-то в основном веранда, и хорошо горела, как спичка, там и форточка была открыта. Емельянов, между прочим, тоже утверждает, что в комнате, когда он залез в окно, дыма было не очень много. В общем, нестыковка: угорел человек, а вроде не с чего было, и не пьян был, должен был проснуться, почувствовать, что бока подрумяниваются... Снотворного он не принимал, отравления не было, – продолжил следователь после паузы, – проверили все очень скрупулезно, раз такое дело непонятное. Травм, следов борьбы – ничего. Выходит, по голове его никто не стукнул. Непонятно, почему он не проснулся! Я ездил в Москву, хотел допросить родственников, знакомых. Родственников у него – только сестра, и та не в Москве живет, а в Казани. Соседи утверждают, что Шестов был здоров, на сердце не жаловался, короче, опять

ничего. А на работу к нему я зайти не успел, позвонил в район доложить и получил ценное руководящее указание: отправляться в прокуратуру Москвы к следователю Соколову, вводить его в курс. С каких таких, спрашивается, материалы передали в прокуратуру Москвы, если человек погиб в нашем районе?! Может, обнаружилось что-то, связь с чем-то там еще? Так нет! В общем, нашел я этого Соколова, в двух словах все ему обсказал, договорились, что на следующий день он с самого утра приедет за материалами дела. Я вернулся, за пятнадцать минут подготовил все для передачи, следственного материала-то – с гулькин нос. А с утра Соколова нет, в обед нет, я звоню в Москву, на месте его тоже нет. А часа в три меня вызвал районный прокурор и прямо сказал, что ничего в Москву передавать не будем – дело прекращаем за отсутствием состава преступления. Я должен вынести соответствующее постановление.

– И вы больше ни с кем не встречались и никаких следственных действий не предпринимали? – уточнил Турецкий.

Следователь отрицательно покачал головой.

– Сестра его приезжала, – сказал участковый, – смотрела дом, я ее осторожно расспросил, но она ни сном ни духом. Уверена, что это несчастный случай. А вообще, как я понял, они общались редко, и она не в курсе, чем он занимался, сказала, что работал в солидной фирме и прилично зарабатывал.

– Когда это было?

– В субботу. Посмотрели дом, я ей отдал ключи от калитки и от ворот, с ней еще сосед Шестова был, чтобы машину в Москву отогнать, она сама водить не умеет.

– А после пожара какие-нибудь бумаги, документы в доме сохранились?

– Вещи Шестова на стуле висели рядом с диваном, – ответил участковый, – они не сгорели, там был кошелек, триста рублей, кредитные карточки, ключи от московской квартиры. А документы на машину в машине и лежали. Все, больше никаких бумаг не было. Разве что на веранде. Там могли дотла сгореть. Э-э-э... – Семенов замаялся. – Понимаете, какая история. Пацаны вроде видели, как в субботу, на следующий день после пожара, к дому кто-то подъезжал. Два типа. Один здоровый, рыжий с бородкой и косичкой, второй за рулем сидел, не выходил, его не рассмотрели: в машине стекла затемненные. Тот, что с косичкой, стал заглядывать через забор, заметил пацанов, сделал вид, что вроде отлить вышел. Ну и все, справил нужду, и они укатили. Пацанам крепко доверять нельзя – там самому старшему десять лет. Я на всякий случай проходил мимо несколько раз и днем, и когда стемнело – все тихо, никто поблизости не крутится. А когда мы с сестрой Шестова вошли в дом, я сразу заметил: кто-то похозяйничал. Письменный стол в столовой передвинули, он почти не обгорел, выдвигали ящики, и много чего по мелочам. Но я-то запомнил, я вместе с дежурной группой все осматривал и последний из дома выходил. Может, кто из местных поработал, искал, чем поживиться, у нас тоже своих деятелей хватает. Сестре Шестова я ничего не сказал, да ей, правда, и не до того было: она только через порог – и скорей назад во двор. Так вот, в общем.

– Ну что ж, большое спасибо. – Турецкий, поднялся и стал прощаться. – Вы люди опытные, но все-таки я должен напомнить: о нашем разговоре и вообще о моем визите никому ни слова. Если понадобится, я приглашу вас в Генпрокуратуру.

Про возможный вызов вышло здорово, подумал Турецкий, садясь в машину. У обоих лица вытянулись, как будто я им приговор зачитал, теперь наверняка будут молчать как мертвые. Он уже трогался, когда участковый нагнал его и постучал в дверцу. Турецкий опустил боковое стекло.

– Александр Борисович! Еще кое-что. В тот вечер к Шестову приезжала женщина. На белой иномарке. Приехала в семь, может, в восемь, а уехала в десять – начале одиннадцатого. Как раз перед самым пожаром.

– Кто ее видел? – спросил Турецкий спокойно, не показывая своей заинтересованности.

– Одна наша пенсионерка.

– Опознать сможет?

– Нет, она ее не разглядела толком, темно было. Говорит, молодая совсем.

– Номер, марка машины?

Участковый махнул рукой:

– Она ко мне только в понедельник пришла, боялась: а вдруг девица ее тоже запомнила, глаза-то молодые. Так что ее не вызывали и не опрашивали. Если что, я вас к ней отведу, но все равно вы ничего нового от нее не услышите, все, что видела, она мне уже рассказала.

– Еще раз спасибо!

Турецкий выехал на трассу и свернул на обочину. Думать за рулем не получалось: туман совсем сгустился, приходилось неотрывно следить за дорогой. Участковый фамилию свидетельницы не назвал – это хорошо, значит, она действительно боится и будет помалкивать. Как долго? Нужно завтра же встретиться с этим Соколовым из Прокуратуры Москвы, поговорить с сестрой Шестова, если она еще не уехала, взять у нее ключи от дачи и как можно скорее все там осмотреть. Хорошо было бы захватить с собой Лидочку, чтобы на месте показала, что и как, но ей показываться в Веледникове нельзя. Дачу Шестова обшарила, конечно, не местная шпана, а Тихонов и Свешников. Они, скорее всего, побывали и у него в квартире или собираются побывать, если не нашли деньги на даче. То, что они их требуют от Лидочки, разумеется, ни о чем не говорит: это они для Ильичева стараются, а не для себя. И нужно прояснить насчет документов: действительно ли они сгорели.

Ну и наконец – самое главное. Надо придать частному расследованию дела Шестова законные основания. А для этого впендюрить Косте мысль о том, что в деле Замятина начал просматриваться интерес к некой фирме «Данко», где, кстати, недавно совершено уголовное преступление: убит главный юрист. А «Данко» наверняка связана с Минтопэнерго – нефть же! Поэтому, раскручивая дело Замятина, некоторые темные силы – Братишко можно не упоминать, достаточно тактично на него намекнуть – очень стараются прекратить производством дело об убийстве Шестова. Как прежде тормозили и дело по Минтопэнерго. Костя, естественно, спросит: а какая тут связь? Так вот именно это и есть предмет расследования! В общем, надо установить над делом Шестова прокурорский надзор и разрешить Турецкому действовать в дальнейшем в соответствии со статьей 211 Уголовно-процессуального кодекса. В противном случае тот же Соколов пошлет его подальше, и будет прав.

Хмуренко. 7 апреля. 20.30

– Александр Сергеевич! Очень рад, что вы согласились! Вы просто от виселицы меня спасли, от гильотины, можно сказать. – Петр Витальевич был еще любезнее, чем обычно, долго тряс руку своими потными маленькими ладошками, только что целоваться не лез.

– На что я согласился? – спросил Хмуренко, отстраняясь.

– Ну вы же приехали прямо к прямому эфиру. – Петр Витальевич возбужденно засмеялся. – Бросьте, Александр Сергеевич! Вы все понимаете. Если вам приятно это слушать, пожалуйста! Я скажу, все что вы хотите, разве мне жалко для вас?!

– Вы что, хотите, чтобы я вышел сейчас в эфир с аналитической программой?! – Хмуренко от удивления растерялся и несколько секунд не мог сказать ни слова, беззвучно открывал и закрывал рот, как рыба в аквариуме. – Да вы в своем уме, Петр Витальевич?! Что угодно ожидал от вас услышать, только не это! Программа же не смонтирована. Я представляю, как страшно далеки вы от всего этого, но вы же не первый день на телевидении!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 33,99р. (на 15.04.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.